

18+

Галина Маркус

Калидора

цветёт у моря

Галина Маркус

Калидора цветет у моря

<https://litres.ru/74149369>

ISBN 9785007002004

Аннотация

Мечтая о море, студентка Марина отправляется в небольшую прибрежную страну Калидору — к эксцентричной тётушке, в чьей усадьбе по прихоти хозяйки сохранён уклад русского 19 века. То, что начинается как отпуск в странном мире балов и традиций, быстро превращается в опасное приключение. Мистика переплетается с тайнами прошлого, а сны, знаки и призраки ведут героиню к разгадке давней трагедии и к выбору, от которого зависят не только судьба древних сокровищ, но и её собственные любовь и свобода.

Калидора цветет у моря

Галина Маркус

Иллюстратор Галина Мальцева

© Галина Маркус, 2026

© Галина Мальцева, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-0200-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— Так что в этом году на море не едем, — вздохнув, заключил папа и виновато посмотрел на меня.

— Ну это не самое страшное, — раздраженно отмахнулась мама.

Они только что закончили обсуждать условия папиного сокращения и планы поиска новой работы. Все это, разумеется, было очень серьезно, и потерянный отпуск — не самое страшное, но... Весь этот и без того непростой год я только и жила ожиданием. Море всегда оставалось моей самой большой мечтой, настоящим утешением, истинной радостью.

В прошлом году я окончила школу и готовилась к поступлению, потом сдавала экзамены, не прошла по баллам на самый престижный факультет социологии (одного не хвати-

ло!) и, не в силах представить себе еще одно такое лето, согласилась с университетской приемной комиссией и перенесла документы на экономический, где заняла первое место по конкурсу.

Первый год обучения был напряженным — новые требования, предметы, однокурсники. Девушка, с которой я познакомилась в первом семестре, во втором полугодии ушла в академ, остальные уже сбились в компании, и я осталась одна. Все экзамены я сдавала с неизменным результатом «отлично», у меня просили конспекты и помощи с курсовыми, но настоящей симпатии это не прибавляло.

Школьные подружки, конечно, никуда не девались, но они разбежались по универсам, где у них завелись новые друзья.

В общем я хотела на море. Просто на море, и больше ничего. Не на дачу к бабушке, не в подмосковный санаторий и уж тем более не в поход с комарами размером с палец, куда зывал двоюродный брат.

Бабуля, которая сидела в своем кресле и в разговоре сперва не участвовала, завела, как я и предполагала, про дачу. Дачные комары были поменьше, но зато там имелись бабулины любимые грядки с огурчиками, а значит — ежедневная прополка и поливка.

И я бы согласилась, коли суровые дачные будни в июле скрасились бы потом хоть неделей на море. А в поселке даже прудика крохотного не было, не то что озера или речки!

— А если хочет на море, — осуждающе пожевала губами

бабуля, — пусть едет к Нельке.

Я насторожилась. Что еще за Нелька, почему я никогда о такой не слыхала?

— Это ваша сестра — та, что с приветом? — уточнил папа.

— Витя! — толкнула его мама. — Она просто... со странностями. Никаких диагнозов... насколько я знаю. И она двоюродная, да, мам?

А-аа, вспомнила я, периодически в семье упоминали бабушку Нелли, но обычно в совсем другом контексте. «Будешь так молча сидеть и смотреть в потолок, станешь, как бабушка Нелли», или: «Не носи чепуху, в тебе что, бабушка Нелли проснулась?»

— Со странностями и с деньжищами, — желчно припечатала бабуля.

— Ерунда, — отмахнулась мама. — Я в это не верю. Какое-то наследство в Калидоре! Она, еще когда я маленькая была, мозги всем проела своей Калидорой. Прямо как наша Марина про море, ой, не дай Бог...

— Цветок такой, кажется, есть — калидора, комнатное растение, — хмыкнул папа. — У нас в офисе поливали.

Он тут же помрачнел, вспомнив о потерянной работе.

— Небось в детстве увидела, вот и придумала, — поддакнула мама.

— Да нет же, Наташа! — разозлилась бабуля. — Отец ее, муж моей тети, действительно был иностранцем. На фести-

валь молодежи и студентов приехал, страна не из соцлагеря, но вроде как дружественная. И остался, понравилось. Потом Нелькину маму встретил. Целая история была, разрешение на брак добывали, а потом... пожил пару лет и разошлись. Он с тех пор Нельку и не видел ни разу.

— И что, она правда наследство там получила? — недоверчиво спросил папа.

— По ее словам, да. Я с ней последний раз лет семь назад разговаривала. Она собиралась уезжать и звонила попрощаться. Рассказывала про огромное имение и кучу денег. Я не знала, верить ей или нет, все-таки она уже тогда была... гм... чудная. А потом она открытку оттуда прислала.

— Покажи! — встряла, наконец, я.

— Найду, покажу. Там и телефон, кажется, есть, и адрес. Вот и езжай давай к ней, если тебе дача наскучила.

Бабушка помолчала и потом неохотно добавила.

— Галька вон туда насовсем уехала. За наследством. Своих детей у Нельки нет.

Я таращилась на нее во все глаза. Мифическая ненормальная бабка, генетический сбой семьи, неожиданно превратилась в реальную пожилую женщину с имением возле моря, настолько реальную, что даже какая-то Галька уже к ней уехала.

— Ну, бабуль, ты даешь, — только и выговорила я. — А чего раньше не рассказала?

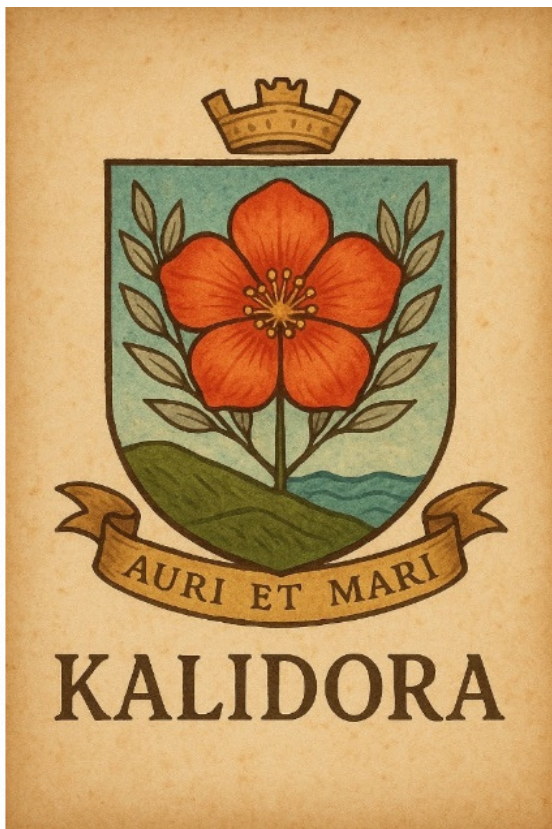
— Если тебе родная бабушка не нужна, бедная слишком

бабушка-то, дачка-то деревянная... то давай катись, может и тебе что отпишет!

На глазах у обомлевшего семейства бабуля извлекла из своей сумочки цветную картонку и буквально швырнула ею в меня.

Удивительно было все: и то, что открытку от давно уехавшей Нельки бабуля носила с собой, и то, что она так на меня разозлилась, хотя обычно, наоборот, всегда за меня заступалась.

Интернет в помощь, в течение пары минут, пока мама успокаивала разбушевавшуюся бабулю, а папа погрузился в себя, забыв про сказочную Калидору, я уже нашла в телефоне то, что хотела.

Изображенный на гербе цветок комнатное растение не на-
поминал.

«Многих путешественников привлекает Калидора —

небольшая прибрежная страна между горами и Адриатикой. Долины выходят прямо к тёплому морю, склоны террасами тянутся вверх. Летом жарко и пахнет морской солью и розмарином, зимой мягкие ветра с гор приносят лёгкий холод.

По местным преданиям первые поселенцы нашли в прибрежных скалах алый цветок калидору, который расцветает только там, где море встречается с горными источниками. С тех пор её изображают на гербах прибрежных городов и плетут в венки на летний праздник.

Калидора никогда не была крупной державой: сперва — греческая колония, потом — византийская гавань, затем венецианская провинция и наконец — самостоятельная республика-порт. Вечно балансировала между соседями и в связи с этим очень ценит независимость.

Калидорцы — темноволосые, смуглые, в их речи преобладают мягкие согласные и певучие гласные. Калидорский язык — смесь романской основы с балканскими и славянскими словами. Народ неспешный, с морской привычкой ждать ветра, любит торговаться на базарах и подолгу сидеть в кафе под виноградными лозами. Гордится своим языком, но большинство калидорцев легко переходит на соседние ради торговли.

Столица и города:

— Альмаран — столица и порт. Белые дома с зелёными ставнями, на набережной — старые склады, ныне превра-

щённые в кафе.

— Лаврия — курорт в бухте с горячими источниками.

— Тарнелла — горный город с крепостью и монастырём на скале.

— Виллара — тихий рыбацкий городок на юге, славится оливковым маслом и вином.

В каждом городе вы найдете:

— старые каменные церкви и венецианские колокольни;

— оливковые рощи, виноградники, террасы для цитрусовых;

— бухты с яхтами и катерами.

В начале двадцатого века после революции в Калидору потянулись беженцы из России — офицеры, священники, дворянские семьи. Они оседали в прибрежных долинах, строили деревянные часовни с луковками, сажали яблони рядом с оливковыми деревьями и организовывали маленькие артели. Некоторые деревушки до сих пор носят старинные русские имена: Никольское, Алексеевская Слобода.

В Альмаранском порту и сейчас слышны фамилии с русскими корнями, а по воскресеньям в старом храме Святой Софии службы ведутся на двух языках.

Местные калидорцы привыкли к этим «северным соседям» и давно считают их своими».

— А отец этой Нелли точно был иностранцем? — подняла голову я. — Тут написано, что в Калидоре много русских.

— Точно, точно, черноволосым, смуглым, — ответила ба-

буля. — Но помешанным на русской культуре. Бегал по деревням, по Золотому кольцу катался, всё старину русскую изучал. Каша в голове у него была страшная. Тетя думала, выйдет замуж за иностранца и уедет, а этот Пушкина с Иваном Грозным путает, старинные слова сам сочиняет — по-русски якобы... Вот она и устала.

Родители уже забыли про Калидору и вполголоса обсуждали насущные дела. Зато бабуля немного успокоилась и была не прочь повспоминать.

— А чего ж он уехал, раз ему тут так нравилось? — не отставала я.

— А он вроде как заявил, что тут у нас утеряли свою самобытность и что он воссоздаст ее заново у себя на родине. Тетя показала ему на мозги. Ну и...

— А Нелли — она-то в чем была странной?

— Ну... она почти не общалась с ровесниками, все больше дома сидела и книжки читала... — бабуля многозначительно зыркнула на меня. — Парня у нее не было никогда... («Вот как у тебя», — могла бы добавить она, но сдержалась). И все про отца и Калидору свою грезил.

— Тоже про русскую самобытность?

— Не, у нее другой пунктик был — девятнадцатый век, балы, длинные платья... придумывала себе романтику, даже что-то сочиняла. Но в истории не разбиралась, как придумала — то и правда.

— А что за Галька такая к ней уехала?

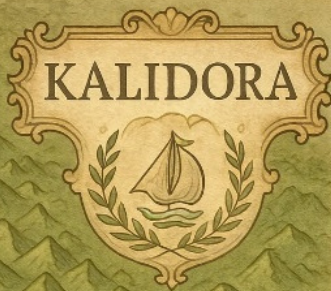
— Седьмая вода на киселе, — снова поджала тонкие губы бабуля. — У моей мамы и ее сестры, Нелькиной матери, была еще старшая сводная сестра по отцу от первого брака, еще одна тетка, получается. Так это ее правнучка. Родители, кто они там мне... подсустились, короче, начали Нельке письма писать, вот, мол, ваша двоюродная внучка, помощь на старости лет. А какая старость, Нелька меня на восемь лет моложе. Да ясное дело, наследство хотят заграбастать. Между прочим, мы-то Нельке гораздо роднее. И знаешь, что...

Смена настроений и позиций вообще была свойственна бабушке. Но тут она превзошла саму себя.

— А не фиг! — бабуля любила современный сленг. — Напишу я ей тоже. Поедешь отдохнешь на море. Я эту Нельку нянчила, во дворе за ней присматривала постоянно. Хоть раз в год съездишь на море, и то хорошо, верно?

Она обернулась к моим родителям:

— Нечего, говорю, ребенку страдать из-за ваших проблем. Пусть отдохнет ребенок. Напишу, сегодня же напишу. Нет. Позвоню. Так будет быстрее.

Бабуля никогда ничего не забывала и от своего не отступалась. Сначала — звонок бабушке Нелли («она так обрадовалась, так обрадовалась!»). Затем переписка с ее «статс-дамой» — да-да, именно так она и представилась, — по ватсапу.

«Статс-дама — это у цариц только», — хмыкнул папа. Он, разумеется, сперва наотрез отказывался отпускать меня одну. Но Полина Тимофеевна так четко расписала все этапы моей поездки, что это успокоило даже его.

И вот в конце июня я, почти не веря в происходящее, оказалась в столичном аэропорту Калидоры, городе Альмаране. Оттуда меня очень быстро подхватило заранее заказанное такси до курортной Лаврии. Через полтора часа меня высадили на центральной площади, где таксист сказал на английском: «Оплачено» и был таков. На мой вкус, я бы там и осталась — по дороге я заметила просто сказочную бухту, — но путь мой лежал дальше.

Не успела я оглядеться — и правда, венецианская колокольня и белые дома с зелеными ставнями, — как на площадь, лавируя между припаркованными автомобилями, ворвалась самая настоящая карета, синяя, с гербом в виде белой лилии на желтом фоне. Настоящая, конечно, на мой взгляд, ведь я отродясь не видала карет кроме как на кар-

тинках. Карета не новая, но выглядела прилично, лошадь тоже не кляча, а очень бодренькая и блестящая. Она даже пристукнула копытом, как в мультике про Золушку.

На козлах сидел парнишка лет пятнадцати: пляжные шорты, шлепанцы на босу ногу, майка с логотипом местной футбольной команды и кепка от солнца. Я подумала, что это прогулочный экипаж для туристов, но парнишка подъехал прямо ко мне и по-русски, хотя и с заметным акцентом, выкрикнул:

— Внуч-чка?

— Да-да, — закивала я. — Вы от Нелли Сатекеновны?

Не удостоив меня ответом, парнишка спрыгнул на землю и довольно лениво распахнул мне дверцу. Я залезла внутрь, парень с трудом впихнул следом мой чемодан: внутри карета оказалась не пустой. Пол и одно из сидений были заставлены пакетами с продуктами, корзинами с фруктами, да и на другом лежала всякая всячина — инструменты, тряпки... Парнишка сдвинул все это в угол, и мне удалось сесть.

Внутри было жарко и душно, но, когда мы поехали, в незастекленные окна ворвался свежий, с запахом моря, ветер. Дорога тянулась вдоль побережья от деревни к деревне. Самого моря почти не было видно, его загораживали строения, ряды деревьев, белые паруса, но иногда оно мелькало справа ярко-синими искрами между домами и яхтами. Мы ехали на юг, в сторону рыбацкого городка под названием Виллара, а слева к дороге подступали невысокие хребты изумрудного

цвета.

Поездка заняла почти два часа: карете то и дело приходилось прижиматься к обочине, пропуская автомобили. Под конец я уже очень устала. Мы пересекли по мосту широкую, но мелкую речушку и наконец, заехав в крохотную Виллару, добрались до поворота, рядом с которым красовался настоящий дорожный указатель с надписью на калидорском, а снизу — на русском языке: «Чудасатая слобода».

В Москве я списала кривизну названия на акцент статс-дамы Полины Тимофеевны, оторванной от корней. Но это и правда оказалось наименованием поселения, созданного калидорским любителем русского языка. «Всё чудесатее и чудесатее!» — сразу всплыла цитата из «Алисы».

Едва повернув направо, под высокие своды деревьев, карета зачем-то остановилась. Парнишка сунулся ко мне вовнутрь, забрал какие-то шмотки, потом долго возился снаружи, и, наконец, мы снова поехали — морская синева отодвигалась все дальше вправо, пока совсем не исчезла из вида, а мы углубились в поселок. Судя по карте, Виллара и Слобода располагались на мысе, далеко выступающем в море.

Поселение оказалось не маленьким — ехали мы минут пятнадцать, не меньше. Дорога, выложенная старенькой, но качественной брусчаткой, ничем не напоминала наши русские ухабы. Да и дома не очень-то напоминали. Мы миновали несколько фермерских хозяйств с маленькими заборчиками и беленькими курами, словно только что вымытыми

дорогим шампунем. Каменные двухэтажные дома с красными черепичными крышами выглядели надежно и нарядно. Лошади, коровы, овцы, загоны, лужайки, пастбища — все словно сошло с картин фламандских живописцев.

Работники были одеты во что-то простое, что не грех и запачкать, а вот фермеры, идущие в ближайшую лавку или сидящие на скамейках перед своими заборами, — празднично и аккуратно. Женщины тут носили длинные ситцевые платья в пол и шляпки. Мужчины — рубахи из хорошего льна или хлопка поверх прямых черных брюк. А те, кто не боялся жары, щеголяли в разноцветных жилетах.

Тут же попадались купеческие лавки с красочными вывесками и картинками: куличи да баранки, шляпы и туфельки, инструменты для сельского хозяйства. Мне казалось, что я попала в какую-то инсценировку или в модную сейчас историческую реконструкцию. К сожалению, мои знания о дореволюционном быте были ужасно поверхностными, не лучше, чем у отца бабушки Нелли. Поэтому я понятия не имела, из какого всё это века.

Потом карета въехала в район мастеровых. Кузнечные и столярные мастерские, небольшая швейная фабрика — на фасаде игла с ниткой и раскроенный кафтан, обувной заводик с башмаком и туфлей на вывеске, производство металлоконструкций с образцами изделий на улице — всё это выглядело вполне современно. Размах, конечно, не промышленный, а местечковый, но, как говорится, «не на коленке»:

казалось, что все, что тут сделают, будет надежным и качественным.

Это потрясало и завораживало. Люди — мои современники — жили и играли по предписанным правилам. Если кто и выглядел озабоченным, то явно не тем, как прожить без хлеба насущного. Скорее, как лучше сделать дело или какой товар прикупить. Мастеровые или крестьяне при виде нашей кареты сразу же улыбались, снимали картузы, кланялись.

Прямо помещичья идиллия! С такой и революции не случилось бы... наверное.

Тем временем справа надвинулся сосновый лес, а слева — гора, и я удивилась, решив, что поселок закончился, но вскоре лес превратился в рощицу, горы тоже остались позади. Дорога петляла, мы проехали небольшое поле, потом снова показались фермы, а за ними красивые виллы и солидные коттеджи, и я уже не могла с уверенностью сказать, с какой стороны мы оставили море. Я нетерпеливо выглядывала из окошка, пытаясь разглядеть, что там впереди. Наконец мы повернули налево и перед нами распахнулись белые ворота. Мы заехали на территорию усадьбы, проехали по длинной аллее, и мой кучер лихо «тормознул» у крыльца.

Парнишка тут же прыгнул и распахнул дверь кареты. Брови у меня поднялись: вместо майки и шорт на нем теперь был ярко-красный камзол с золотыми пуговицами и фалдами. Узкие белые брюки обтягивали ноги до колен, из-под них виднелись белые чулки, как у пажа. На ногах сияли баш-

маки с блестящими пряжками. Можно подумать, что он кучер настоящего придворного экипажа или богатых аристократов.

Современная короткая стрижка немного искажала облик, а парика на нем не было — из-под черно-золотого цилиндра на лоб парнишки и без того стекал пот. Еще бы, в тридцать-то градусов в таком наряде! Однако он даже не ухмыльнулся в ответ на мой иронично-сочувственный взгляд, а ловко поклонился и галантно протянул руку в белой перчатке — и куда только девалась прежняя равнодушная лень! Затем вытащил и поставил на землю чемодан.

Очевидно, к бабушкиному карнавалу тут относились серьезно, либо за него неплохо платили. А может, и то и другое. Об исторической достоверности этого костюма — из девятнадцатого ли он века? — я решила не задумываться.

Я вылезла наружу и огляделась. Сердце сразу наполнилось теплом и восторгом.

Огромная трехэтажная усадьба с башенкой справа и массивным парадным крыльцом утопала в зелени. Солнце светило нещадно, но свежий ветер и большое количество тени дарили комфорт. Вокруг — ухоженные сады. Справа — розовые кусты и другие изысканные цветы, дорожки из красного гравия и несколько ажурных беседок. Слева — фруктовые деревья, на которых уже зрели апельсины и мандарины — совсем не русские фрукты, но чему тут еще расти? Это создавало странное ощущение: очень красиво, но я не пони-

мала, где нахожусь. Смесь французского с нижегородским, сказала бы бабуля. Тем более что на границе усадьбы росли и оливковые деревья.

Парнишка, словно забыв обо мне, принялся вытаскивать пакеты и ящики с покупками и оттаскивать их на задний двор.

Внезапно из парадной двери на крыльцо высыпал народ. Такое я видела в чопорных английских фильмах: спустившись, все выстроились в ряд, как при встрече важного гостя. Тут было двое мужчин — по-видимому, дворецкий и лакей, — и пять женщин, одетые как прислуга на картине Лиотара «Шоколадница».

Я только сейчас сообразила, что карету, хоть ее и использовали для доставки продуктов, высылают, видимо, не за каждым. Ничего себе, такое внимание. Может меня не за ту принимают? Сейчас будет неловкая ситуация, после чего меня попросят пройти через черный ход и выделяют комнату у кухни.

Я замерла от неловкости и тревоги, а все просто смотрели на меня вежливо и серьезно, и ничего не происходило. До тех пор, пока с крыльца не спустилась еще одна персона.

Я сразу поняла, что это Полина Тимофеевна, статс-дама, секретарь или управляющая имением, а может все это в одном лице. Образ у нее был как из классической театральной постановки: длинное черное платье с высоким воротником, сверху аккуратный черный передник. Тощая и высохшая, се-

дые волосы собраны в пучок. Точеный нос, тонкие строгие губы. Из современного — только очки в роговой оправе. А из-под очков смотрели умные, вьедливые глаза. В руках она, правда, держала мобильный, но быстро засунула его в карман передника.

— Марина Витальевна, добро пожаловать! — сухо и официально сказала она. — Ее сиятельство ждет вас!

Ого, бабушка Нелли кличет себя сиятельством? Тревога моя возрастала, очень уж не хотелось стать заложницей ненормальных людей. Впрочем, не могут же все тут быть ненормальными.

Как будто получив сигнал, прислуга ожила. Лакей шустро подхватил чемодан, а дворецкий взлетел по ступенькам и распахнул передо мной дубовые двери.

Мама с бабулей, хотя я и отписалась им из аэропорта, забрасывали меня сообщениями: как я доехала, как меня встретили, что представляет собой бабушка Нелли, а у меня не было возможности нормально им ответить.

Провожая меня в большую круглую гостиную, Полина Тимофеевна первым делом шепнула: «Никаких мобильных при ее сиятельстве». Поэтому, ожидая высокой аудиенции, я успела только мельком глянуть на экран и тут же спрятала телефон.

Статс-дама, приведя меня и указав на одно из кресел, вышла, но я осталась стоять, оглядываясь. Ну, примерно так я себе все и представляла. Мебель в стиле ампир, резные стулья и кресла с атласной обивкой. Что-то, возможно, действительно антикварное, а что-то — явный новодел. Диванчик-оттоманка искрился зеленовато-золотистым шелком, предлагая прилечь и отдохнуть с дороги. В комнате царил приятная прохлада. В углу на стене я заметила кондиционер — в этом «девятнадцатом веке» можно было обойтись и без веера. И почему же тогда никаких мобильных?

Но тут послышались шаги и в зал вошла целая делегация под предводительством ее сиятельства — перепутать хозяйку дома было бы невозможно. За ней шла верная Полина Тимофеевна и еще несколько дам. Следом по бокам впорхнули горничные, неся подносы с напитками и закусками. А я уставилась на бабушку Нелли.

Бабушкой она, собственно, не была. Простейшая арифметика подсказывала: моей бабуле сейчас шестьдесят пять, а Нелли на восемь лет моложе и при этом не обременена домашними делами, уборкой да готовкой... Бабуля выглядела бы рядом с ней человеком, изможденным работой, хотя все всегда восхищались тем, как хорошо она сохранилась.

«Ее сиятельство» оказалось невысокой, но статной и довольно стройной женщиной, на вид чуть больше пятидесяти. Очень ухоженная, с черными гладкими волосами без седины, уложенными в замысловатую прическу. Бежевое му-

слиновое платье с приталенным корсажем и широкой юбкой в пол — летний домашний вариант — имело солидный вырез, но прозрачная накидка на плечах прикрывала зону декольте. Корсета как будто не было. Шея, открытые руки, да и, наверное, грудь — гладкие, без малейших признаков морщин, белые, словно женщина никогда не выходила на солнце. Кругловатое лицо с детскими щечками, чуть крупноватый нос, пухлые губы, не слишком высокий лоб, но очень живые черные глаза, которые смотрели одновременно пронизательно и с любопытством. Возраст выдавали разве что несколько мимических морщин в уголках глаз и носогубные складки. Вообще в ее лице было что-то детское, но отнюдь не наивное, скорее ощущение постоянной радости жизни. Я не заметила в её облике ничего ненормального.

Мысленно я уже назвала ее тетей, а не бабушкой.

— Дитя мое! — радостно воскликнула она и бросилась меня обнимать.

После чопорной встречи с Полиной Тимофеевной я ожидала такого же сухого приёма, поэтому сразу расслабилась и искренне обняла тётю.

— Э-ээ... здравствуйте! — я улыбалась, пытаюсь подобрать правильное обращение.

Полина Тимофеевна оказалась тут как тут и прошелестела мне на ухо: «Ваша светлость!» Я не решилась за ней повторить, а Нелли понимающе махнула рукой, словно моя бестактность ее вовсе не смутила.

Она уютно расположилась на оттоманке, а твердые руки (понятно, чьи) надавили мне на плечи, усаживая на неудобный пуфик в ногах у тетушки — не откинуться, не расслабиться. Вокруг расположились «фрейлины». И все уставились на меня.

Цепкими глазами-маслинами тетка осмотрела меня с ног до головы. Прищурилась, покивала каким-то собственным мыслям. Меня так долго изучали, что я уже потеряла терпение. Но понятия не имела, как начать разговор, и будет ли это приличным. И все сильнее ощущала несоответствие своего внешнего облика окружающей обстановке.

Прибыла я в футболке и летних брюках, но не надо иметь много ума, чтобы понять: ни брюки, ни две пары шорт мне не пригодятся — по крайней мере, на территории усадьбы. Хорошо еще, что я взяла с собой три сарафана: один короткий, другой по колено и еще один длинный. Похоже, носить придется его.

Но не тут-то было.

— Ольга! — призвала Нелли.

Расторопная молодая женщина, ожидающая указаний, подскочила поближе.

— Ваша све-еетлость, — протянула она с певучим акцентом.

— Сними мерки с нашей гостью. И что-нибудь подгони на нее прямо сейчас, чтобы она могла переодеться, — она повернулась ко мне. — Ступай в свою комнату, дитя, отдохни с

дороги. Ольга принесет тебе все необходимое, а за трапезой мы побеседуем.

Я с облегчением встала. Наверное, надо было отвесить реверанс, или как это называется, но я изобразила кивок.

— Спасибо...

— Ваше сиятельство! — гаркнула мне в ухо статс-дама уже угрожающе.

— Ваше... да... — выдохнула я.

Играть так играть, в конце концов, я в «чужом монастыре».

— Дневник сновидений, — неожиданно проговорила Полина Тимофеевна.

— Что? — я растерянно обернулась.

— Дневник сновидений, — статс-дама пихнула мне в руки большую толстую тетрадь.

Никаких объяснений не последовало, а мне уже очень хотелось убраться с этого смотра.

— Спасибо, — зачем-то снова сказала я и двинулась за горничной.

Пока я шла по лестнице на второй этаж, а затем по приятно-прохладной галерее следом за Ольгой, не могла не отметить странность приема. Угощение было подано, но не предложено. Нелли видела меня впервые, но не поинтересовалась, как я долетела или как поживают родные, в том числе ее собственная двоюродная сестра.

Ничего нормально не расспросили, зато всучили какую-то красную тетрадку. Возможно, и правда решили дать мне сперва отдохнуть.

Мы подошли к одной из дверей, и горничная, присев, с та-

ким же милым акцентом попросила «барышню» подождать, пока разместит вещи из моего чемодана.

— Я лучше сама, — сказала я.

Но она посмотрела на меня с таким недоуменным испугом, что я махнула рукой и уселась на одну из милых полукруглых скамеечек, стоящих в коридоре под большими эркерными окнами. От нечего делать полистала тетрадку. На титульной странице, к моему удивлению, было подписано: «Марина Витальевна Логинова, дневник сновидений №1».

В голове мелькнула ассоциация с Гарри Поттером: на уроках предсказаний учеников заставляли записывать и трактовать сновидения. Видать, таковы Неллины представления о развлечениях дворянских девушек — надо же им о чем-то говорить. Сидят себе, вышивают да сны трактуют. Но я хочу на море. Я приехала на море!

Опасения, что сегодня мне его, кажется, не видать, сильно ухудшили настроение. Опомнившись, я отписалась бабуле и маме: «Встретили хорошо, все нормально, устраиваюсь, потом позвоню».

Горничная пригласила меня в комнату, и я огляделась. Первым делом с облегчением заметила кондиционер и только потом принялась рассматривать свое новое жилище.

Здесь обошлось без роскоши, но чувствовалось утончённое удобство. Светлая просторная комната с высоким потолком и окнами в кружевных занавесках была обставлена в нужном стиле — несовременной, но новой мебелью, види-

мо сделанной на заказ. Под ногами — паркетный пол, блестящий от натирания; возле узкой кровати с резным изголовьем и вышитым покрывалом лежала небольшая ковровая дорожка.

Над кроватью висела гравюра с парусником на волнах, рядом стоял туалетный столик с чистым зеркалом в овальной раме. На столике — очаровательная круглая шкатулочка для мелочей, костяной гребень, пачка бумаги с вензелями и, что забавно, заправленная перьевая ручка «Паркер».

У другой стены — этажерка с книгами; я заметила томик Пушкина и Библию. Над этажеркой ещё несколько гравюр и акварелей. Ближе к окну — кресло, на широком подоконнике вазочка с засушенными цветами.

В воздухе витал легкий аромат лаванды. Я тотчас же побежала к окну: нет, вид был не на море — да и откуда ему тут взяться? — а на сад, хотя и прелестный.

В углу у входной двери стоял небольшой резной шкаф для одежды. Мой чемодан уже был пуст, горничная застегнула его и положила в самый низ шкафа.

— А где тут ванная и туалет? — поинтересовалась я.

— Уборная комната и купальня для барышень — в конце коридора слева.

Горничная помялась.

— Я развесила ваши наряды, но... Ее сиятельство велело принести вам подходящее платье. Подождите, прошу вас, я быстро...

Уборная и купальня, к моей радости, оказались обычным санузлом, а не купелью с кувшином и фарфоровым горшком. Огромная разукрашенная ванна была стилизована под старину, но и только — водопровод, батарея и унитаз со спуском имелись. Я бы, конечно, предпочла душевую кабину, но тут уж не до капризов.

Вернувшись в комнату, я вдруг припомнила: «для *барышень*». Так... а где же та самая бедная родственница Галя? Неужто уехала домой, не дождавшись, что ее признают наследницей?

Вскоре объявилась расторопная Ольга с моим новым нарядом. Это было домашнее платье из серо-зеленого ситца, длиной в пол, с приталенным корсажем, узкой талией и рукавом до локтя. Ну ладно, в доме, где прохладно, еще куда ни шло, и ситец тоже легкий, но выходить в этом на улицу в тридцати-пятиградусную жару? Бедняжки эти девушки позапрошлого века... как же они, наверно, потели...

— Трапеза через пятнадцать минут, — сказала горничная. — Я помогу вам переодеться.

— Ой, нет, я сама.

— Сможете сами спуститься?

— Да уж не заблужусь, — ответила я и врубила кондиционер еще на пять градусов ниже.

Где трапезная, я не знала, поэтому направилась в гостиную. В просторном обитом деревом холле я притормозила у огромного зеркала, разглядывая свой новый образ.

Я всегда считала себя современным человеком в пику бабуле, которая любила называть меня тургеневской девушкой — с таким видом, будто это диагноз, — мама с ней даже ругалась. Ну вот я и стала точно такой, как...

И нельзя сказать, что мне это не понравилось. Платье сидело замечательно, подчеркивая стройность фигуры. Темно-каштановые волосы, которые я всегда стригла по плечи, прилично отросли, и в жару я убирала их наверх, открывая длинную шею. Это очень мило сочеталось со скромным вырезом: лиф был наборен и прикрывал грудь, оставляя открытой лишь линию декольте, плечи у платья были слегка приспущены. Лифчик в этом наряде, по счастью, был не нужен — корсаж оказался достаточно плотным. Зеленовато-серые оттенки платья красиво гармонировали с цветом моих глаз, которые бабуля нарекла серо-буро-малиновыми, хотя они были серовато-каре-зелеными.

Раздались шаги — по лестнице в сопровождении статс-дамы спускалась Нелли. Ходила она несколько тяжеловесно, без должного изящества. Спустившись, она внимательно меня оглядела, потом они с Полиной Тимофеевной переглянулись.

— То, что надо, — одобрительно произнесла та.

— Не то слово! — тетушка выглядела очень довольной.

— Это просто в точку!

— Надо еще поработать надо волосами, — заметила статс-дама.

— Потом. Дитя, следуй за нами.

Мы прошли через гостиную и перед нами распахнули дверь в трапезную. В большой квадратной комнате уже было полно народу: все те же дамы, дворецкий, лакеи. Возле длинного покрытого белой скатертью стола суетились горничные. Все стояли, пока тетушка первая не села за стол — ее массивное кресло стояло посередине, а не во главе. Она приглашающе кивнула остальным, а мне указала на место рядом с собой. Я уставилась на несколько видов ложек, ножей и вилок и попыталась вспомнить уроки этикета в старшей школе. Но кроме того, что нож надо держать в правой руке, ничего не вспомнилось.

— Вам следует познакомиться, — приказала тетя.

Я подняла взгляд и увидела ответ на свой вопрос: а где же Галя? Прямо напротив меня сидела высокая худая девушка.

Я представляла ее себе совсем иначе — немного комичной, суетливой и цепкой одновременно. На самом деле Галя могла работать моделью: ее внешность полностью соответствовала всем стандартам красоты. Ну, может, ростом немного не дотянула, но остальное было при ней.

Девушка оказалась натуральной блондинкой с большими светло-голубыми глазами. Чуть вздернутый носик, пухлые губки. Брови и ресницы были светлыми, без косметики, но это ее не портило. Во взгляде отсутствовала какая-либо выразительность: эмоции, похоже, редко гостили на ее лице. Однако я не сомневалась, что многих мужчин это бы не остановило. Одета она была в том же стиле, что и я, только в прическу вплетены голубые ленты, красиво оттенявшие пшеничный цвет волос. Она смотрела на меня — не высокомерно, скорее настороженно, если я правильно поняла выражение ее лица.

— Меня зовут Марина, — представилась я первой. — А

ты Галя?

Та кивнула. То ли слова у нее были на вес золота, то ли просто не знала, что сказать. Я все-таки надеялась, что при более близком знакомстве нам удастся подружиться или хотя бы сходить вместе на море.

Горничные уже разливали бульон, но никто не приступал к еде. Тетушка сотворила крестное знамение, скорее махнув рукой в воздухе, и произнесла некое подобие молитвы:

— Пусть эта еда пойдет нам всем на пользу, аминь.

Я очень проголодалась, а суп оказался вкусным, но еще вкуснее — второе, мои любимые котлеты с пюре. На десерт подали компот с пирожками, а потом тетушка встала, и все остальные дружно переместились за ней через большую стеклянную дверь на веранду.

Туда принесли самовар, чашки и блюдечки для варенья. Галя встала и принялась разливать чай. Статс-дама бросила на меня красноречивый взгляд, и я тоже принялась помогать — передавала чашки, добавляла кипяток.

Это был поздний обед. Жара пока не отступала, находясь в самом пике, но день клонился к вечеру, а терраса накрылась приятной тенью. Однако я ощущала, как промокло от пота и прилипло к талии платье, и с тоской смотрела туда, где, как мне казалось, должно находиться море.

Ко мне никто не обращался, никто на меня не смотрел, беседовали о соседях, фермерах, ценах на мясо, обсуждали прислугу. Нелли говорила вполне современным языком,

хотя иногда жеманно добавляла словечко-другое из тех, что казались ей родом из нужного века: «батюшки», «изволь», «чай это случилось не нынче», «премило», «ах право же» или «признаться, я в некотором замешательстве».

Статс-дама этим сильно не заморачивалась. Перенеси ее отсюда за кафедру в наш институт, и она смогла бы преподавать какой-нибудь скучный предмет.

Остальные дамы говорили с легким акцентом. Возможно, русский не был их родным языком, либо на нем говорили их предки-эмигранты.

Насколько я помнила, дворяне в книгах общались исключительно по-французски, но Нелли, очевидно, французским не владела — откуда? Одна из дам, видимо, эмигрантская правнучка, подпускала порой пару французских словечек, но и только.

Галя выглядела равнодушно-безучастной.

Тоска была такая, что я с сожалением вспомнила о бабулиных грядках... по крайней мере, на даче можно раздеться и встать под душ.

В какой-то момент я почти отключилась и задремала, хоть и находилась среди чужих людей. Но тут кое-что заставило меня прислушаться.

— До бала осталась неделя, ваше сиятельство, — оживленно сказала одна из дам, брюнетка. — Это правда, что приедет сам князь?

— Ах, ну, конечно, он всегда приезжает на летний бал,

— Нелли почему-то бросила осуждающий взгляд на Галю, а потом встревоженный на меня.

А Галя вдруг впервые на моей памяти проявила эмоцию — помрачнела и насупилась.

— Надо подготовить все дневники. Или отправить ему, как обычно, в конце месяца? — поинтересовалась Полина Тимофеевна.

— Пока указаний не было, — Нелли снова беспокойно на меня посмотрела. — Дитя мое, ты умеешь танцевать?

От неожиданности я чуть не поперхнулась глотком остывшего чая.

— Ну... не знаю... Вальс танцевали на выпускном.

— Видела я, как они вальсируют, — отрезала Полина Тимофеевна. — Шаг — приставка, шаг — приставка.

— Тогда о чем ты думаешь, свет мой Полина, срочно приглашай учителя танцев! Может он сотворит за неделю чудо! Так, а что с музицированием?

Это походило на допрос, но я предпочла ответить:

— Музыкальная студия, восемь классов. Студия, не школа. Немного играю. А что?

В это «а что» я вложила столько вежливого протеста, сколько могла себе позволить. Я приехала сюда отдыхать. Купаться.

— Порепетируй, дружок. Поёшь? Князь любит музыку.

— Нет! — рывкнула я, уже не стесняясь. — Медведь на ухо наступил!

— Я пою, тетушка, вы забыли?

Я впервые услышала Галин голос.

Она выглядела напряженной и даже как будто злилась, вложив в эти слова напор. Я заметила, что она не называет Нелли «вашим сиятельством». Я этого пока не заслужила.

— Ничего я не забыла, — демонстративно вздохнула Нелли. — Поверь, мне все равно, я никого не выделяю, не делаю предпочтений... Если ты сможешь, я вовсе не возражаю.

В голосе ее, однако, звучало недовольное сомнение.

Полина Тимофеевна извлекла из фартука аккуратную записную книжку и быстро начала в ней строчить.

А я все пыталась поймать Галин взгляд, чтобы к ней обратиться. Но та смотрела куда угодно, только не на меня. Я, наконец, поняла, кого она мне напоминает. В детстве у меня была кукла Барби — всего одна, потому что они мне не нравились, и я никогда их не просила. Я любила играть в кукол-детей, которых можно обнимать и укладывать. А эту подарил дядя. Я не понимала, какой интерес играть со взрослой теткой. Подружки были в восторге от своих Барби — наряжали их, спрашивали для них кукольную мебель, магазины, салоны и все такое. А для меня она была совсем неживая — пластмассовая палка с нарисованными пустыми глазами и волосами-паклей. А если живая — то не очень доброжелательная.

Хотя, возможно, я предубеждена. Может, девушка плохо себя чувствует или ей испортила настроение тетушка. Я

вспомнила разговоры о наследнице — Галя, небось, решила, что я хочу ее оттеснить. Надо объяснить, что я ей не конкурент.

Разговоры тем временем вернулись к заготовкам варенья.

— Как далеко тут до моря? Как туда пройти? — не выдержала я, обращаясь к сидящей рядом брюнетке.

— Море? — удивленно вскинула голову та. — Там... кажется.

Она неопределенно кивнула куда-то направо. Я бы не удивилась, если бы узнала, что она не была на море последние несколько лет.

— А сколько туда идти? Я хотела сегодня успеть.

— Сегодня? — еще больше удивилась брюнетка.

Полина Тимофеевна, которая ничего не упускала, тут же повернулась к нам:

— Купание по четвергам, сударыня, не волнуйтесь, не пропустите.

Что-о?! Я тащилась сюда, чтобы купаться раз в неделю под присмотром статс-дамы? Сегодня была пятница! Меня просто затрясло от возмущения.

Ну уж нет. Я, конечно, в гостях, но не в рабстве.

Сегодня я еще проявлю вежливость, не уйду с вечеринки. Но завтра... Завтра я пойду на море, и никто меня не остановит.

Кое-как я отсидела террасный чай, затем несколько дам, которые были в гостях, ушли, осталась только Полина Тимофеевна и две женщины из свиты — одна рыжеволосая с пышным бюстом, другая — та самая черненькая. Нелли стало прохладно, на нее накинули плед, и все вернулись через трапезную в гостиную.

Дамы схватились за оставленные в креслах вышивки, а Нелли небрежно кивнула Гале — давай за рояль. Все это, похоже, совершалось изо дня в день. Но не успела девушка чинно занять свое место и взмахнуть руками, как тетушка передумала.

— Нет, пусть другая. Послушаем, что ты умеешь, детка, — она повернулась ко мне.

Я все еще старалась сохранять вежливость и думала, как бы мне полюбезнее отказаться. Но мысль о плане на завтрашний день заставила меня уступить. Галя без всяких эмоций освободила мне место.

«А что ж сыграть-то?» — в голове сама собой всплыла фразочка из любимого папиного фильма. Репертуар стал понятен, и пальцы сами побежали по клавишам. Наверное, это было единственное, что могло сейчас выразить мой протест. Обращаются как с вещью, не спросили ни обо мне, ни о родных, нарядили в маскарадный костюм, собираются обучать танцам, а теперь проверяют, могу ли я играть перед каким-то старым дураком князем, который наверняка сам себя так на-

звал.

Это была не «Мурка», как в «Место встречи изменить нельзя», — я больше любила другое. Да, вот такая я тургеневская девушка, получите, что заказывали.

*«Гоп-стоп, Сэмен, засунь ей под ребро,
Гоп-стоп, смотри не обломай «перо»
Об это каменное сердце...»*

Ну и так далее. Надо было предложить Гале спеть, но и мелодии тоже хватило. По крайней мере, Нелли наверняка знала слова.

Слушали меня молча.

Я поставила последнюю точку.

— Чья это музыка? — поинтересовалась пышногрудая дама. — Это романс?

— Александр Новиков, городской романс. Скорее шансон, — невинно ответила я.

— Ну, играть она умеет, — резюмировала тетушка Нелли.

— Да, вполне живенько, — одобрила к моему изумлению статс-дама. — Только это не Новиков, а Розенбаум. Всегда надо знать и уметь назвать композитора.

— Тетуш... то есть ваше сиятельство, — решила я. — Можно я в саду перед сном погуляю?

— Можешь называть меня тетушкой, — улыбнулась она. — Но не станешь же ты гулять одна в такое время, скоро

стемнеет?

— Я покажу ей сад, — неожиданно для меня вызвалась Галя.

— Прекрасно, девочки, ступайте, — махнула рукой Нелли.

А Галя оказалась вполне ничего. Она приветливо мне улыбнулась и повела показывать садовые деревья и розы.

— Какая большая усадьба! — сказала я. — Огромный сад, даже конца не видно.

— Это что, с задней стороны еще огороды, парники, конюшни...

— А ты давно здесь?

— Чуть больше года. Я сюда сразу после выпускного приехала.

— И как тебе тут, нравится? — осторожно поинтересовалась я.

— Ну... — Галя неопределенно повела плечами. — Все лучше, чем дома.

Я молчала, вежливо ожидая продолжения, и она сочла нужным объясниться.

— Мама часто болеет, денег на лекарства нет, квартира тесная, еще младшая сестра... Родители заняты больше ею. А меня вот сюда сбагрили, — хмыкнула она.

Это было довольно странно. Судя по рассказам бабули, Галина семья была скорее зажиточной. Да и кому еще помогать больной матери с младшей сестренкой? Возраст у Гали не детский, чтобы быть иждивенкой. Я и сама собиралась найти подработку, не сидеть на одной стипендии.

— А ты никуда не поступала? Не учишься?

— Не успела, сначала хотела, но потом вот сюда приехала. Думала только на лето, а потом... — она перевела на меня быстрый взгляд. — А у тебя какие планы? Ты тут надолго?

— Я на месяц планировала, — ответила я. — Родители не смогли поехать со мной на море. Но не знаю, выдержу ли столько. Что-то у вас порядки какие-то... строгие... Как тебе это все?

Галя даже не стала переспрашивать, что я имею в виду.

— А, ну... я привыкла уже. Бывает и весело, когда тетушка проводит балы.

Потом как будто опомнилась и заговорила быстрее:

— Но ты права, скукота ужасная, да еще все носятся с этим дурацким князем. Он, похоже, немножко свихнулся на семейных легендах, ты же слышала, дневники наши каждый месяц читает, совсем умом тронулся. И все у него в роду такие же.

— А что за это фокусы с дневниками?

Мы остановились возле одной из беседок. Уже темнело, цветы, закрываясь, дарили сладкий одуряющий аромат, пахло прогретыми на солнце соснами, хотя в саду сосен не было,

видимо, запах доносился от моря. Природа — единственное, что могло примирить меня с происходящим, но за нее мне придется побороться.

Галя хихикнула:

— Да я же говорю, полный бред. Тебе уже рассказывали о сокровищах?

— Что-о?

— В общем, эта усадьба и все подворье, и вообще поселение — все это принадлежало предкам нынешнего князя.

— А этот князь — он тоже ряженный?

— Не-а, князь-то как раз настоящий. Они сюда еще до революции переехали, это их усадьба.

— Так это с тех пор тут ничего не меняют, живут, как в девятнадцатом веке?

— Нет, конечно. Это тетушкин отец начал, а потом она по-своему все устроила. Когда князь продавал ему усадьбу, тут был обычный зажиточный дом. Ты же видела, везде электричество проведено.

— Ой, а я и не обратила внимания. Хотя да, кондиционеры...

— Само поселение в русском стиле — это все было. А вот девятнадцатый век — тут уже ее сиятельство.

— Ну, а легенда-то?

Мы сидели в беседке, я жадно вдыхала вечерний воздух и новую историю. Как только стемнело, вокруг действительно зажглись фонари — в старинном стиле, но вполне себе элек-

трические. Галино лицо мерцало в темноте — белое, как луна. На нем блестели большие, не выразительные днем глаза. Сейчас они странно светились, как у моей дачной детской подружки, рассказывающей ночные страшилки.

— Предка нынешнего князя Димитрия лишила наследства теща за то, как он обращался с ее дочерью — ну, знаешь, типа изменял, запирал ее в одиночестве. Она сразу после родов умерла. А может ее даже отравили. У них в семье по мужской линии из поколения в поколение — единственные сыновья-наследники. И все довольно ранние вдовцы. Так вот, у той бабки, тещи, были необычные, удивительной красоты и запредельной цены, даже по тем временам, самоцветы.

При довольно небогатой Галиной речи эта фраза производила впечатление цитаты — возможно, она повторяла ее в том виде, в котором сама слышала.

— Так вот, после ее смерти никто не мог их найти, она не хотела, чтобы они достались зятю, — с весомостью в голосе продолжила собеседница.

— Зашила бриллианты в стулья? — прыснула я.

— Неизвестно, — серьезно ответила девушка, — но даже при ее жизни никто не знал, где она их прячет. И найти их до сих пор никто не сумел. Зять умер раньше тещи. А своего внука, который как две капли напоминал характером кичливого и высокомерного отца, она тоже, как он повзрослел, невзлюбила.

И снова — словно цитата из книжки, подметила я.

— И оставила странное распоряжение на этот счет, — продолжала на одной ноте Галя. — Нотариус признал его незаконным. Внук умудрился доказать, что бабка, мягко говоря, спятила. Не, ну завещание и правда было чудное, а свидетели, его подписавшие, куда-то пропали. Короче, наследство полностью отписали внуку, как было в предыдущем варианте. Он получил все деньги, ценные бумаги, усадьбу, несколько предприятий в поселке, но вот драгоценности... — их попросту не нашли.

— А может она вовсе не в усадьбе спрятала?

— Все может быть. Усадьбу уже многократно обыскали, как ты понимаешь. Несколько поколений искали. Даже за призраками гонялись, чтобы спросить.

— Какими... в смысле, призраками?

— Ну, тут иногда кто-то видит призрака. А может их несколько, кто что говорит. Одна вроде как та самая дочка — такой тихий и жалкий призрак, обычно ее рыдания слышат. Она приходит к молодым девушкам, предупредить о несчастном браке.

— О Боже... Так, сокровища, призраки, что еще?

— Значит, дневник сновидений тебе уже дали?

— Ага.

— Утром до завтрака записываешь, если помнишь, свой сон. Не помнишь — пиши не помню. Это приказ для всех незамужних девушек. Князь продал свою усадьбу, оговорив это условие.

— Такое вообще возможно?

— По калидорским законам вполне.

— И зачем ему этот бред?!

— А это как раз результат завещания той древней тещи. Ну как древней, в девятнадцатом веке она жила. Отписала она эти сокровища той незамужней девице, которая их найдет, а найдет она их, увидев во сне. Видимо, сон еще надо будет расшифровать.

— Ну хорошо, предположим, а князь-то тут причем?

— А как же. По закону — наследник он, прямой потомок. Подстраховался. Усадьбу-то продал, а коли бриллианты найдутся — так он хозяин.

— А если эта девица возьмет, да и ничего не запишет? Найдет клад и поедет себе жить на какие-нибудь острова.

Но то, что мне казалось абсурдным, Гале таковым не виделось.

— Э не, — строго возразила она. — Это нарушение закона, воровство. Да и князя тут все боятся, он и на островах, и где хочешь найдет.

— А как он проверит?

— Говорю же, раз в три месяца дневники изучает. Такой въедливый злой мужик.

— А сколько ему?

— Шестьдесят четыре, — поджала губы Галя. — Так вот, он сразу распознает ложь. У него вообще способности... экстра... как их... обычные.

— Экстрасенсорные?

— Во-во. Видимо, в пра, — она загнула пальцы, — нет, еще одно пра... бабу.

— И что, что он сделает? Я вообще не собираюсь ничего записывать. Это мои личные сны!

— Слушай, ты не можешь. Это было оговорено при продаже усадьбы в заверенном документе. Если ты будешь жить в усадьбе, ты должна выполнять условия. Если князь распознает ложь, или ты откажешься, он выставит нашей тетушке такую неустойку, что...

Она немного помолчала.

— А ты... ты вообще ей кто, какая родня?

— Да, кстати, кто мы с тобой друг другу? — заинтересовалась я.

Мы выяснили, что наши прабабушки сводные сестры по отцу, то есть мы друг другу пяти- или шестипородные, что ли. Я радовалась, что мы уже практически подружки. И тут возле беседки нарисовался дворецкий.

— Сударыни, — он вежливо поклонился, — пожалуйста в дом. Тетушка беспокоится, что вы замерзнете.

Замерзнуть было невозможно, на улице по-прежнему было не меньше тридцати, разве что солнце не жарило.

Лицо у Гали сразу потускнело, словно погасили лампочку. Дворецкий пошел вперед, а она послушно за ним.

— Ой, подожди, — нагнала ее я. — Пошли завтра на море сходим. Покажешь мне, как пройти.

— Купальный день — четверг, — равнодушно сообщила она.

— Да плевать, не будем мы неделю... живем ведь у моря!

— Я не могу, — покачала головой девушка.

И, не оглядываясь, скрылась в доме.

В холле меня поджидала статс-дама.

— Сударыня, вы сегодня устали. Ее сиятельство отпускает вас отдыхать. Я провожу вас в вашу комнату.

— Да нет, я сама, спасибо.

— Пойдемте, — не терпящим возражения голосом приказала Полина Тимофеевна.

В коридоре горели стилизованные под свечи бра, и в моей комнате также нашелся выключатель. Люстра из пяти «свечек» светила довольно тускло.

Мы остановились на пороге комнаты.

— Я должна ознакомить вас с режимом дня, — сказала статс-дама. — Подъем в восемь утра. Записываете в днев-

ник то, что вам приснилось, как можно подробнее. Если сновидение ускользает, запишете то, что помните, как можно быстрее.

— Зачем мне это делать? — я решила притвориться, что не в курсе.

— Ваша сестра только что вам объяснила, зачем.

Вот это да, когда это Галя успела отчитаться? Она зашла всего на полминуты раньше меня. Разве что ей было поручено ознакомить меня с семейной историей.

— Я просто подумала, что может быть какое-то еще объяснение, кроме этих сказок, — принялась выкручиваться я.

— Это не сказки, — отрезала Полина Тимофеевна. — Если вы согласны воспользоваться гостеприимством ее сиятельства, вам придется выполнять условия договора.

— Ну... ладно, — я предпочла больше не спорить, лишь бы уже избавиться от нее. — Ой, забыла спросить, а какой тут пароль от wi-fi?

То, как на меня глянула статс-дама, без слов объяснило мне, что никакого интернета в усадьбе нет. Вот это да... а я-то не рассчитывала тратиться тут на роуминг.

— Горничная принесет вам теплое молоко и печенье. Отбой в девять часов. Спокойной вам ночи, Марина Витальевна, и внимательных снов.

Я закрыла за нею дверь и первым делом поставила будильник на шесть утра.

Вставать не хотелось, я слишком устала накануне физически и морально. Но, вспомнив свою задачу, я быстро вылезла из кровати. Спала я без кондиционера, впуслав ночной воздух в окно. Ночью духота отступила, но сейчас в комнате уже становилось жарко. На прикроватной тумбочке лежал злосчастный дневник.

Я со вздохом взяла его — придется играть по их правилам. Так и хотелось сочинить им что-нибудь эдакое, например, что мне приснилась Полина Тимофеевна, зажигающая в мини-юбке на дискотеке, но я воздержалась и честно записала, что мне снились противные грязные коты, которые на меня кидались и больно царапали.

Так, долг перед тетушкой исполнен, а теперь... Я на цыпочках прокралась в ванную — умыться и почистить зубы. Прихватила оттуда свое полотенце, а потом облачилась в купальник, бросила в пляжную сумку смену белья и крем от солнца. Накануне я планировала надеть длинный сарафан, но процесс заполнения дневника оказался таким унижительным, что я решительно напялила шорты и топик, нахлобучила любимую кепку и подошла к двери. Потом, секунду подумав, вернулась и черкнула на фамильном бланке записку: «Я на море». А то еще поднимут шухер на всю слободу.

Потихоньку, стараясь не скрипеть на лестнице, я стала пробираться к выходу. Парадные двери были закрыты, но

я туда не пошла. Во время вчерашней прогулки с Галей я немного сориентировалась и увидела, с какой стороны находятся кухня и черный ход. Поэтому, спустившись, я завернула налево и обнаружила там проход в служебные помещения. Справа по коридору была огромная кухня, и там уже вовсю гремели кастрюлями. Однако прямо передо мной маячила распахнутая настежь дверь черного хода, и мне удалось выскользнуть незамеченной.

Выйти в такую рань оказалось просто чудесно. Солнце подсвечивало розовым оливковые рощи слева, справа вдалеке в утреннем тумане виднелись очертания сосен. На цветах еще лежала роса, а аромат цитрусовых деревьев наполнял воздух.

Я бодро зашагала по аллее, по которой меня привезли в усадьбу. Навстречу никто не попался, и я благополучно подошла к воротам, которые не охранялись, а были просто закрыты на засов. Я прикрыла ворота с другой стороны, надеясь, что воры в мое отсутствие не проникнут, и остановилась в раздумьях. По моим расчетам, дойти до моря, если находишься на мысе, можно с любой стороны. Вопрос только в том, как далеко придется идти. Единственная дорога направо была той, по которой меня вчера привезли, а я точно помнила, что побережья из окошка кареты не видела. Но черня-

вая дама указала туда — возможно, где-то на этом пути есть разветвление и спуск.

Я повернула направо, очень надеясь, что мне не придется пройти, петляя, весь вчерашний маршрут. Ни одного автомобиля мимо меня не проехало. Поселок тем временем просыпался. Я уже миновала красивые виллы и дошла до сельских угодий. Слышалось мычание коров, лаяли собаки, занимались утренними делами фермеры. Один из них стоял с большим ведром у ворот и пререкался с женой. Увидев меня, он буквально раскрыл рот от удивления.

— Какая бесстыжесть! — прошипела его жена с невыразимым акцентом и рывкнула на мужа:

— А ты чего глаза раззявил, не смотри!

Ого. Оказывается, дресс-код тут не только в усадьбе, а по всей Чудасатой слободе. Я почувствовала себя, мягко говоря, не комфортно, но гордо задрала голову и отправилась дальше. В конце концов, я цивилизованный человек, иду в шортах на пляж, никаких норм не нарушаю. Я же не в музей так пришла и не в храм. Что за пуританство местного масштаба! Неужели народ тут настолько проникся тетушкиными правилами? Я думала, они все участвуют в инсценировке, а они, получается, и правда этим живут?

Хорошо было бы спросить, правильно ли я иду, но кроме этих фермеров мне больше никто не попался, а через сотню метров дома и вовсе закончились.

И тут позади раздался топот копыт. Я резко обернулась,

отскочив на обочину. Не очень резвая лошадка потихоньку тянула бричку (если я правильно подобрала название четырехколесной повозке с откидывающимся верхом).

Пассажиров было четверо: два парня и две девушки сидели напротив друг друга. Девушки были очень белокожие для такого климата и однотипно хорошенькие, видимо, сестры. Обе одеты в длинные легкие белые платья с декольте и рукавами-воланами, на руках — в такую-то жару! — перчатки. Одна — в белой шляпке, другая — под белым кружевным зонтиком; сплошная ослепительная белизна. У обеих были длинные волосы — рыжие выющиеся у одной и светлые прямые у другой. Ребята выглядели попроще — загорелые, в светлых рубашках из тонкого полотна, но с длинным рукавом, ослабленный галстук у одного, шейный платок у другого, плетеные легкие шляпы лежали на коленях. Брюки из светлой ткани и легкие белые туфли. Правил лошадей кучер, одетый по-простонародному.

Бричка поравнялась со мной, и кучер притормозил, изумленно на меня обернувшись.

— Однако, смело, — произнес тот, что при шейном платке.

— Барышня, видимо, заблудилась, — хмыкнул второй. — Вы как к нам попали, сударыня?

Девушки хихикали, перешептываясь. Тоже мне, приличное общество! В приличном обществе не обсуждают чужую внешность. Но сейчас мне было важнее другое.

— Подскажите, я правильно иду к морю? Далеко тут еще?

Парень пониже, скуластый, тот, что с платком на крепкой шее, сделал знак кучеру полностью остановиться.

— Если по этой дороге, то ближайший спуск к морю на пляж — уже не в слободе, — покачал головой он.

То ли он блондин, то ли волосы у него выгорели под солнцем. Скорее второе, потому что глаза у него были карими, а брови и ресницы черными. Короткая стрижка — кстати, вполне себе модная.

— Ого... — расстроилась я.

Этого я и боялась. Перспектива возвращаться меня не прельщала.

— Но есть и другой путь, — улыбнулся он. — И тогда недалеко.

Улыбка у него была широкая и приятная, на щеках сразу образовались ямочки. Второй парень, высокий худой шатен с острым подбородком и правильными, но мелковатыми чертами лица, глянул на него с сомнением. Девушки тоже встревожились.

— Да ладно вам, — отмахнулся скуластый и махнул мне рукой:

— Садитесь, мы тоже едем купаться.

Я ужасно обрадовалась.

— Ой, спасибо огромное!

Шатен подал мне руку, девушки недовольно подвинулись, и я села рядом с ними, сверкая коленками и голыми плечами.

Впрочем, по цвету кожи я от девиц не отличалась, загореть мне было негде.

Молодые люди вели себя очень прилично, старались не смотреть мне на ноги, и вообще не смотреть, ну если только исподтишка.

Кучер тронул.

— Могу я представиться? — разрушил молчание скуластый парень и посмотрел на этот раз в глаза.

Ростом он был повыше меня, и фигура такая спортивная, складная. Второй казался скорее долговязым, чем стройным. Акцент у обоих был еле заметный, но все-таки был.

— А, да, конечно, меня зовут Марина, — выпалила я.

Это явно прозвучало не по этикету, девушки фыркнули, а парни заулыбались.

— Я Михаэль, это — Георгий, а дамы — Елена и София. А у вас морское имя.

— Да... А что, пешком не дойти?

— Дойти, дойти, сейчас увидите, — сказал Георгий. — Есть еще пляж, если ехать в обратную сторону, но туда дальше, к тому же официально он принадлежит ее сиятельству. Конечно, никто оттуда не прогонит, он как бы общественный... но добираться неудобно.

— К тому же, там все по правилам, — снова улыбнулся Михаэль. — Женщины отдельно, мужчины за километр.

Забавно, однако, что чернявая дама направила меня совсем не туда.

— Ого. А там, куда мы едем, не так?

— Там вообще не совсем пляж... Но вы же никому не скажете?

— Я бы на это не надеялась, Михаэль, — с упреком произнесла рыженькая София.

— Я не скажу, что вы! — горячо заверила я.

— Э-ээ... — засомневался Георгий. — Не подумайте, ничего такого, просто есть некие нормы... так сказать, правила... проживания в слободе. Нам они не в тягость, а посторонним могут показаться странными. И если мы что-то и нарушаем, то это вполне невинно и никому не вредит... если не трубить об этом на каждом углу. Вы сами как здесь оказались? Наверное, гостите у кого-нибудь?

— Да, я только вчера приехала, в отпуск, к родственникам.

— Ой, ну тогда вам придется тут быть, как все, — раздраженно заметила Елена. — А хотите в шортиках бегать на пляж... Никто вам не мешает — вот, в Лаврии, например, там вам и дискотека, и ночная жизнь... поезжайте туда.

— Как это делаем мы, — расхохотался Георгий. — Периодически. Когда есть время, а все это надоест.

Он подмигнул девушкам, и они тоже, не выдержав, приснули.

— Ну да, никто не мешает, — поддержала сестру София. — А здесь надо соблюдать условия общественного договора... проживания...

— Софа у нас учится на факультете социологии, — объяснил Георгий. — Но вот в чем проблема, лето она проводит тут в Слободе, а когда возвращается в город, там уже становится холодно носить шортики.

— Эй, ты! — София ткнула его ножкой в изящных белых балетках.

То, как эти двое переглянулись, подсказало мне, что отношения у них далеко не формальные.

А ребята оказались нормальными, хотя девчонки и вредноватые.

— Не обижайтесь на нас, людей всегда раздражает чужая свобода, — проницательно заметил Михаэль. — Но и мы тут не в рабстве. Всегда можно переехать в другое место, если не нравится.

— Как ты, да? — обиженно заметила Елена.

— Вот именно. Завтра уже буду на свободе.

— Лето только началось! — продолжала хмуриться она.

— Что ты собираешься делать в Альмаране?

— Там тоже есть море и пляж. А вообще собираюсь осваиваться, готовиться к учебе, заселиться в общежитие... Чего там, по-твоему, нет такого, что есть тут?

Поджатые губки Елены откровенно отвечали на этот вопрос: там не будет ее! Но Михаэль не понял или сделал вид, что не понял.

— За два месяца до начала учебы! — продолжала возмущаться она.

— Ты как моя мама, но даже ее мне удалось уговорить, — хмыкнул Михаэль.

— Сбегаешь, Миха, так и скажи! — подначивал Георгий.

— А я и не скрываю. К тому же, я хочу получить права.

— Ни одного автомобиля, — заметила я, оглядываясь. —

Или у вас тут на них не ездят?

— На территории слободы — нет. Если выехать — там рыбацкий поселок, Виллара. Там автобусная остановка и стоянка такси.

— А если в другую сторону?

— С той стороны Слободы нормального выезда нет, там серпантин, и дорога на ремонте. Поэтому экскурсионные автобусы до Тарнеллы тоже в Вилларе, — охотно объяснил Михаэль. — Вы уже были там? Ах да, вы только приехали. Обязательно побывайте, там старинная крепость, горы, а в скале монастырь.

— А у кого вы, позвольте спросить, гостите? — задала опасный вопрос София.

Но тут кучер натянул вожжи, останавливая бричку:

— Приехали, господа!

— Разрешите, дамы...

Георгий помог слезть Софии, а Михаэль протянул руку сначала мне, сидящей с другого края, а затем Елене.

— Спасибо большое, Егор! — сказал он кучеру.

— Мне надо обратно, пока ваш батюшка не хватился. Когда за вами приехать? — спросил кучер, разворачивая бричку.

ку.

— Мы часика на три, не больше, — сказал Михаэль. — Да мы сами дойдем, пешком.

— Позвоните, как будете собираться, я быстренько обернусь, — ответил Егор.

— Да как я тебе дозвонюсь, коли у тебя режим без звука, — улыбнулся парень.

— Ну а как вы хотите, сударь, если я буду в лавке, а у меня зазвонит телефон...

— Ладно, если что, я тебе напишу на ватсап, — махнул ему рукой Михаэль. — Ты только посматривай сам.

Бричка уехала, а я с недоумением оглядывалась — где же тут море? Справа теснились черно-зеленые горы, слева к дороге подступал сосновый лес.

Но Георгий, а следом за ним и девушки, уже ныряли прямо под сосны. Михаэль выжидательно оглянулся, и я последовала за ними. В лесу сразу же нашлась утоптанная тропинка.

— Телефоны можно, а автомобили нет? — ехидно спросила я, проходя мимо него — он собирался замыкать процессию.

— Телефоны не особо можно. Но они маленькие и никому не мешают. А автомобили трудно было бы не заметить. Её сиятельство борется за экологию, и тут, поверьте, никто не против.

— Вообще-то для экологии есть электрокары, к примеру.

— Но не у нас. Тут даже велосипеды не в чести, как в других городках. Не вписываются в нашу реальность.

— И что, ни у кого нет личного транспорта?

— Тут считают, что такси от Виллары экономичнее. А общественный у нас есть — туда-сюда ходит конная линейка. Просто еще рано.

— И зачем вам тогда права?

— Ну... если честно, я не собираюсь тут жить. Как верно заметил Георгий, я отсюда сваливаю. Так это говорят сейчас по-русски? В любом случае, права пригодятся... если не собираешься всю жизнь водить двуколку.

Но я уже потеряла интерес к транспортной теме. Я только сейчас поняла, что слышу это уже давно — ни с чем не сравнимый звук. Шум моря.

Запах рыжих стволов, утренний бриз, ковер из прошлогодних сосновых иголок под ногами... я вдруг почувствовала, как счастье охватывает меня целиком, даже не само счастье, а его предчувствие. А когда мы буквально через пару минут вынырнули из-под крыши соснового леса, я задохнулась от восторга.

Да. Это, несомненно, стоило моих ряженных мучений в тетушкиной гостинной. Под ногами впереди был обрыв, или, скорее, откос, или высокая, довольно крутая гора. Нечеткая тропинка среди камней и зарослей вела вниз, на мелко-галечный пляж серебристого цвета.

А прямо передо мной внизу, слева, справа, вокруг, вез-

де — наконец-то море! Ярко-бирюзовое ближе к берегу, насыщенный ультрамарин вдали. Небольшие белые барашки волн — сегодня был почти штиль. И ни одной души. Просто берег и море. Берег и море.

— Спасибо вам... спасибо! — хрипло выговорила я, когда обрела дар речи.

Я адресовала это всем, но, повернувшись, наткнулась на взгляд Михаэля. И взгляд этот явно на мне задержался. На фоне яркого неба стало заметно, что глаза у него не просто карие, а с золотистыми прожилками, благодаря чему казалось, что они тебе улыбаются.

Елена дернула его за рукав, и он, опомнившись, предложил ей руку. Георгий уже осторожно «спускал» Софию, не обращая на меня внимания. Михаэль бросил на меня еще один взгляд — виноватый. Парень не мог помочь нам обеим, но мне помощь не требовалась, — по крайней мере платье, как у девушек, не мешало. Они же вынуждены были приподнимать подолы. Шаг за шагом, мы довольно быстро оказались внизу и прошли немного правее, где до линии прибоя оставалось не больше шести-семи метров.

Пляжных зонтиков, разумеется, не было, но ближе к горе росли небольшие деревья, а в их тени в уступе обнаружилась удобная ложбинка — видимо привычное место отдыха всей компании. И тут я что-то засмушалась. В конце концов, я среди незнакомых людей. Взяла, да и прилепилась к ним без всякого спроса, а сейчас еще буду при них раздеваться.

— Не буду мешать... пойду поищу местечко, — пролепетала я.

Девушки тем временем уже вовсю расстёгивали друг на друге застёжки. Георгий всячески пытался им помочь.

— Здесь больше нигде тени не найдете, — сказал Михаэль, через голову снимая наполовину расстегнутую рубашку.

— Оставайтесь, вы нам совсем не мешаете, — приободрил Георгий.

Девушки промолчали.

Ну ладно... в конце концов, я пришла купаться. Я решительно стянула с себя топик и шорты и осталась в своем любимом ярко-синем купальнике, раздельном, но, между прочим, достаточно скромном — никаких там стрингов.

— Вам и купальник надо правильный приобрести — в лавке Зиминых продается. Если будете на общественном пляже, — посоветовала София, критически меня оглядев.

— И носите с собою зонтик, — добавила Елена. — Загар — это дурной тон и некрасиво.

— А у нас наоборот, — пожала плечами я. — Если приеду из отпуска белокожей, все начнут насмехаться.

— А кстати, откуда вы? — запоздало поинтересовался Михаэль.

— Из Москвы.

— Я так и подумала, — сказала София. — Вы так беспощадно «акаете».

Они, наконец, освободились от своих одежд, оказавшись

в гораздо более откровенных, чем мой, — учитывая пышную грудь Софии, — купальниках. Парни тоже разоблачились: Георгий остался в широких купальных шортах, болтающихся вокруг его худых длинных ног, Михаэль — в боксерах, подчеркивающих его крепкие бедра. Все это я увидела боковым зрением, стараясь их не рассматривать.

— Это мы только здесь так, — предупредила мой вопрос София. — А там будете плавать в тунике и шароварах.

— А какой чудесный костюм у Жоржа! — засмеялась колокольчиком Елена. — Такой миленький полосатый комбинезончик! Михаэль, а у тебя есть такой? Ты ведь туда никогда не ходишь...

Михаэль, не отвечая, уже отправился к морю и правильно сделал. Это позволило лучше рассмотреть его фигуру — парень явно занимался спортом. Он зашел на несколько шагов в воду, потом вытянул руки и нырнул. Его долго не было на поверхности, я даже забеспокоилась, но затем его голова показалась уже далеко. Плавал он прямо как рыба. Ну еще бы, он же вырос у моря.

А я... море я обожала, но вот плавать... плавать я не умела. Точнее умела, но только когда под ногами дно. Стоило мне понять, что дна под ногами нет, и я начинала тонуть. Но, с другой стороны, море это не чтобы плавать. Для плавания есть бассейн.

Я опомнилась и тоже пошла навстречу стихии. Вступила в прохладную воду, немного поежившись, а потом окунулась и

с наслаждением проплыла пару метров. Папы рядом не было, страховать меня было некому. С тревогой нащупала дно, а потом просто встала, раскинув руки, и принялась ловить легкую свежую волну.

Остальные тоже залезли в воду, девушки слегка повизгивали, Георгий никак не мог выбрать, то ли ему плавать с Михаэлем, то ли резвиться с ними.

Я была тут лишняя, но меня это совсем не задело. Захотелось уйти от них подальше, и я так и сделала. Мне было гораздо лучше одной — нет, не одной, а впервые за долгое время наедине с морем. И говорить хотелось только с ним.

Я отходила все дальше и дальше от шумной компании, потом вышла из воды и пошла по берегу, ступая в прозрачный шелк тонких волн, стелющихся по берегу. Входила в воду, выходила из нее, брела дальше... У меня было поэтическое настроение. В моем письменном столе в самом нижнем ящике под всеми тетрадками лежала одна, со стихами. Но никто о ней не знал, тем более родители. Вот и сейчас строчки начинали витать во мне, складываться в ритм и слова. Так хорошо мне не было уже очень давно. Все отступило далеко-далеко... Экзамены, папины неприятности, язвительные однокурсницы...

Голову уже сильно напекло, надо было вернуться за кепкой. К тому же я нанесла солнцезащитный крем только на лицо и плечи, — не просить же кого-то помазать мне спину... Развернувшись, я с неохотой двинулась обратно.

Вдалеке у кромки моря показалась фигура Михаэля, он шел мне навстречу. Возможно, обеспокоился, не утонула ли я. Увидев меня, он нерешительно притормозил, постоял, а потом развернулся и пошел обратно к своим.

Все уже накупались и, кажется, собирались устроить пикник. Мое общество предусмотрено не было.

— Угощайтесь, — вежливо предложила, однако, София.

— Нет-нет, спасибо, меня уже ждут, — улыbnулась я.

В изгиб скалы природа очень удачно засунула огромный камень шириной метра в три и высотой в человеческий рост. Подхватив сумку, я переоделась, спрятавшись за него.

— До свидания, — приветливо сказала я. — Возможно, еще увидимся. И еще раз огромное спасибо!

— А где вы остановились? — спросил Михаэль. — Кто ваши родные?

Елене вопрос явно не понравился.

— Ой, вряд ли вы знакомы, — попыталась выкрутиться я.

Но любопытная София подхватила:

— Нет, правда, у кого? Мы тут всех знаем!

— Ну... тогда еще увидимся, — нашла я.

Перебросила на плечо сумку и полезла на гору. Подъем после физической нагрузки давался не так уж легко, но нельзя было опозориться.

— Давайте я позвоню Егору! — крикнул вслед Михаэль.

— Он вас подвезет.

— Нет-нет, я отлично пройдуся! Спасибо, — не огляды-

ваясь, махнула рукой я.

И начала карабкаться вверх, чувствуя спиной их взгляды.

Почему я не сказала им, что гощу в усадьбе, я и сама не понимала. Какая, казалось бы, разница? Богатая тетушка не делает таковой и меня. У этого Михаэля, к примеру, вообще личный водитель. Может, боялась, что они начнут высмеивать странности ее сиятельства?

Если на бричке мы ехали минут пять, то пешком я дошла за двадцать. И хотя старалась держаться теневой стороны, вся моя свежесть от купания быстро исчезла, и к воротам усадьбы я подошла, больше всего на свете желая снова окунуться в воду.

А еще через пять минут я стояла в гостиной у тетушки, где разбиралось мое персональное дело.

Кроме председательницы (ее сиятельства) и секретаря Полины Тимофеевны в углу безмолвной зрительницей сидела Галя, а за моей спиной стоял, перекрывая выход, дворецкий Петр Петрович, похожий на застывшего ворона. Горничная Ольга, которая и нашла мою записку, обмахивала веером красную от гнева тетушку — кондиционер с утра не включали. Выступала свидетельница обвинения — дама с рыжими буклями и французским акцентом, — видимо, ее призвали сюда с утра. Кого-то она мне сильно напоминала...

— Вам же сказали, Марина Витальевна, купальный день у нас четверг! Как вы могли, не сказавшись, одна, без сопровождения, в таком виде... Вы хотите навлечь позор на ее сиятельство? Подобное поведение в стенах приютившего вас крова отнюдь не приемлемо!

Какой корявый набор слов, однако, у нее выходит. Видать, они уже привыкли коверкать речь, им кажется, что это повеликосветски.

— Ее надо познакомить с вашими девочками, Анна Вениаминовна. Они смогут объяснить ей, как надо себя вести, — предложила статс-дама.

Ах, вот оно что! Вот на кого она похожа, точнее, они на нее. София и Елена. Их мама либо не знает, как провели утро ее дочери, либо страшная лицемерка.

Увы, если я закипаю, меня уже не остановить — никакими угрозами и уговорами, ничем. Чего это будет стоить, я в этот момент не думаю — главное, что правда на моей стороне!

— Во-первых, — стараясь соблюдать спокойствие, начала я, — я оставила записку. Во-вторых, я заполнила ваш дневник, как вы просили. А в-третьих, мне не нужно сопровождение, чтобы куда-то идти, мне не пять лет и сюда я прилетела одна.

— Может, есть еще и в-четвертых, и в-пятых? — спокойно отозвалась статс-дама.

Противником она была серьезным. Руки и голос у меня подрагивали, но не от страха — так всегда бывает, когда я

волнуюсь.

— Есть, в-главных. Я очень благодарна за то, что меня пригласили, Нелли Са... ваше сиятельство, — я обращалась исключительно к тетушке. — Но, мне кажется, вы меня с кем-то перепутали. Я внучка вашей сестры из Москвы. Вы пригласили меня отдохнуть. Отдых в жаркой стране в моем понимании — это купание, воздушные, так сказать, ванны, прогулки вдоль моря. Мне не нужны дискотеки или компании. Я приехала отдыхать. Я очень рада вас видеть, познакомиться с вами, но проводить все дни в длинном платье в компании ваших... гм... подруг... У меня другие планы на лето.

— Вы будете проводить время так, как вам скажут! — рывкнула рыжеволосая.

— Ничего подобного! — я тоже невольно подняла голос. — Если я не смогу ходить каждый день на море, я завтра же возьму обратный билет. Расходы на питание и трансфер из аэропорта я покрою.

Я по-прежнему смотрела только на тетушку, а она на меня. Ее приятное круглое лицо сейчас отражало кучу эмоций: гнев, колебание и что-то еще, мне непонятное. Это продолжалось довольно долго. Терять мне было уже нечего, и я спокойно... ну почти спокойно, спрятав за спиной трясущиеся руки, ждала.

Наконец, тетушка вынесла вердикт.

— Пойдите с ней в лавку к Зиминым, — она повернулась

к статс-даме, — и приобретите купальный костюм. С завтрашнего дня расписание купания у нас меняется. Мы посещаем пляж раз в день до обеда. Это вас устраивает, моя сударыня?

И она строго на меня воззрилась. Ее обычно доброжелательное лицо было злым, темные глаза метали молнии.

А как же гулять у моря по вечерам, смотреть на лунные отражения в воде, бродить босиком по краешку моря? Которое тут даже не на второй линии...

Но крыть было нечем — мне шли на огромные уступки, ради меня меняли расписание дня, и капризничать, настаивая, что я буду купаться только в своем синем купальнике на диком пляже и когда захочу, я уже не могла.

Ладно, не все сразу. Там посмотрим.

— Конечно... ваше сиятельство, — сказала я.

— Тогда пойдите и возьмите завтрак на кухне сами! — выкрикнула тетушка и обиженно отвернулась от меня.

Видимо, трапеза на кухне со слугами была своего рода унижительным наказанием, но не для меня, тем более что я страшно проголодалась. Я кивнула и бросила взгляд на Галю, надеясь, что она тоже будет рада нововведениям — помывочных дней стало больше, и она тоже сможет купаться. Но, если все были поражены подобным решением, то Галя выглядела так, словно проглотила лимон. Мне было трудно ее понять.

— Переоденьтесь! — прорычала статс-дама мне вслед.

— Хорошо, — сказала я, приостанавливаясь. — Только кондиционер тогда включите, пожалуйста.

Во время конфликтов я, конечно, боец, но потом меня начинает мучить совесть. А вдруг я повела себя неблагодарно... Я снова вспомнила про «чужой монастырь». Они тут законсервировались, привыкли так жить.

Но что мне оставалось — идти у них на поводу, промучиться весь этот месяц, не видя моря, которое тут в пешей доступности? Нет, я все сделала правильно. Надеюсь, бабуля одобрит. Она-то уж точно. Это мама вечно боится кого-то разочаровать. Я тоже не люблю огорчать людей, но всему есть предел!

Мы очень приятно поболтали на кухне с Ольгой, поваром Терезой и поваренком Лукой. Им было интересно все: и какая жизнь сейчас в Москве, и какая погода там зимой, а Лука, наклонившись к моему уху, тихонько полюбопытствовал, сколько стоит у нас айфон последней модели.

— А можно мне и обедать с вами? — попросилась я.

— Что вы, барышня, — всполошилась Ольга. — И пойдемте, я принесла вам платье потоньше, из батиста. И зонтик для улицы. Полина Тимофеевна ждет вас, чтобы идти к Зиминим.

Можно было представить, какой купальник выберет мне

Полина Тимофеевна, поэтому я заранее была настроена мрачно.

Лавка Зиминых находилась неподалеку, и мы дошли туда со статс-дамой, не проронив ни слова. Это оказалось просторное помещение в каменном доме. Кстати, здесь имелся кассовый аппарат — финансовое законодательство Калидори тетушка отменить не могла.

Перед нами выложили несколько купальников, и настроение у меня понизилось еще на сотню градусов. Купальники были однотонными, красными, зелеными или коричневыми, и состояли из двух частей: длинного платья до колен и широких шаровар. Чтобы мокрая ткань не просвечивала, шили их из плотного сукна, и только один был из темного хлопка. На некоторых имелись кантики, на других — пуговицы или банты. К купальнику полагался чепчик.

Я издала настоящий стон. Хотела бы сказать «чуть слышный», но его хорошо слышали.

— Сударыне ничего не понравилось? — елеино спросил продавец.

— Сударыне все понравилось, она не может выбрать, — угрожающе прошипела статс-дама.

Я потянулась за зеленым вариантом — он был посветлее, и попросила размер поменьше.

— Это ваш размер, — заметил продавец, — у меня наметанный глаз.

— Принесите поменьше, пожалуйста, — настаивала я. —

Да, вот тот. Я примерю.

С этим вариантом, пожалуй, еще можно было смириться. Платье не такое огромное и на меня садилось, как длинная блузка, рукав становился повыше локтя, а шаровары доходили всего лишь до колен, — можно представить, что это длинные шорты. В конце концов, в некоторых странах дамы купаются в парандже. А я просто представляю себе, что обгорела и защищаюсь от солнца. Кстати, после пары часов под утренним зноем я вовсе не обгорела, хотя прежде после такой прогулки моя белая кожа уже стала бы болезненно-красной.

Я огласила свой выбор, а Полина Тимофеевна, хоть и была недовольна, спорить не стала, осознав, что иначе мы уйдем вообще без костюма. Поскольку таких шикарных и нужных обновок я в свой бюджет не закладывала, они были оплачены статс-дамой, и я не стала с этим спорить.

На обратном пути в крошечном молчании меня одолевали печальные мысли. Стоило ли вообще все это того, чтобы... Море, да, но что это за отдых, когда вокруг такая враждебность? Я, как и все люди, хотела, чтобы меня любили и даже иногда хвалили.

Неприятная мысль, которая давно меня мучила, подняла свою змеиную голову. Почему у меня никогда не складываются отношения в коллективах, которые я не выбираю сама? Меня любят только близкие друзья, а «стаи», где каждый на своем месте, всегда отторгают. Не я ли сама в этом виновата?

та? Конечно, я хотела понравиться тетушке, но делала ли я для этого то, что нужно, или только то, что считала возможным сама?

Зато Галя — она даже и не думает бороться, со всем соглашается. Правда, и ее тут не очень-то окружают теплом и любовью — может, потому что слишком загостилась? Что она вообще тут делает, что так упорно высиживает?

На обед меня милостиво допустили, хотя демонстративно со мной не общались. Но все было по-прежнему очень вкусно, местные котлеты становились моим любимым блюдом, а ягодный кисель вообще был неповторим. После обеда я хотела свалить, как выразился Михаэль, в сад, но мне не удалось. Послеобеденного сна тоже не намечалось.

Присутствующие дамы разобрали вышивку, а мне Полина Тимофеевна протянула ноты:

— Не желаете порепетировать?

Я не желала, но лучше было играть на пианино, чем вышивать, поэтому я разобрала, не торопясь, пару вальсов. Где-то через час в гостиной появилось новое лицо — учитель танцев, молодой и высокий шатен с острым подбородком, а попросту говоря, тот самый Георгий. Мирок тут, по крайней мере, «дворянский круг», был очень тесным.

Увидев меня, он высоко поднял брови, мы несколько секунд друг на друга смотрели, но, разумеется, выдавать наше знакомство ни в чьих интересах не значилось. Галя тоже отложила вышивку и присоединилась к репетициям. Она уже

много чего умела, двигалась очень грациозно, и они вдвоем показывали нужные движения. А я успокаивала себя тем, что лишние навыки никогда не помешают, и уж лучше чему-то учиться, чем сидеть и слушать придворные разговоры.

Переговорить мы с ним так и не смогли, потому что в комнате всегда находилась одна из бдительных дам.

— А этот наряд вам идет, — только и смог шепнуть он, слегка усмехнувшись.

Глаза у него были черными и слегка масляными, как у дамского угодника, но это его не портило, скорее наоборот, придавало его правильным чертам дополнительную выразительность. Наверное, большинство девушек сочли бы его красивым, тем более что в костюме он был не таким тощим, как в купальных шортах.

— Мне больше нравился утренний, — хмыкнула я в ответ.

Признаться, это было не совсем правдой. При включенном кондиционере мне нравилось длинное платье и поднятые кверху волосы, нравилось двигаться в нем под музыку, представляя себя кем-то совсем другим в сказочном мире грез и романтики. Видимо, такими же чувствами мотивировалась тетя, изобретая собственную реальность, вот только у нее все зашло слишком далеко. Мечта плюс возможности — и вот вам результат.

Так что не стоило забывать, кто я на самом деле; иллюзии хороши только на кратком отрезке времени. Лучше держать

руку на пульсе.

Я невольно обратила внимание, что Георгий держится с Галей несколько напряженно. Они явно давно знакомы, но не проронили лишнего слова, если это не касалось занятий. Лицо у Гали было отрешенным, — как всегда, когда происходящее не сильно ее занимало, но входило в обязательную программу.

Когда Георгий, откланявшись, ушел, нас с Галей оставили без надзора, и я предложила ей прогуляться, как вчера, в саду.

— Голова болит, — коротко ответила она и снова уселась за вышивку, включив торшер — на улице быстро темнело.

Я бы спокойно прошла и одна, даже с еще большим удовольствием, но тут меня призвали к тетушке, причем не куда-нибудь, а прямо в опочивальню.

Вариантов было несколько: меня все-таки изгоняют; со мной решили поговорить, наконец, по-человечески; и третий — это будет сюрприз.

— Да-да, входи, — просто сказала тетушка.

На лице ее не было ни гнева, ни добренькой улыбки, только озабоченность.

Ее опочивальня оказалась просторной комнатой, раза в три больше той, в которой я поселилась, с огромной резной

кроватку в алькове, завешенном розовым шелковым палантин. Возле стены — громоздкое старинное трюмо, в углу — красивое резное бюро. Богатый ковер и роскошные кресла. На одно из них мне торопливо указали. Верхний свет не горел, по углам светились уютные торшеры, а на столе стоял массивный подсвечник с пятью толстыми свечами.

Статс-дамы не было, и это меня порадовало.

— Марина, детка, у меня к тебе серьезный разговор. Не стану играть с тобой втемную, лучше будет, если ты поймешь, чего я хочу от тебя. Поверь, ты в накладе не останешься.

Та-ак. Значит, все-таки сюрприз. У меня нехорошо сжалось сердце.

Ее фигурка в большом кресле казалась маленькой и изящной, а лицо с блестящими круглыми глазами странно менялось. Она в очередной раз оглядела меня с ног до головы.

— Я вижу, как ты двигаешься, как носишь это платье, как приподнимаешь его, когда садишься или идешь по лестнице, словно ты всю жизнь это делала. Как держишь голову, какая у тебя осанка. И характер у тебя твердый, не то что у некоторых...

О, неужели я дождалась комплиментов? Почему же они меня так тревожат?

— На некоторых что ни надень, будет как на корове седло, — фыркнула Нелли.

Уж не о Гале ли это?

— Да-да, ты верно поняла, — кивнула она. — Твоя сестра, или кто она тебе получается, меня разочаровала.

— Очень странно, — сдержанно сказала я. — Мне показалось, наоборот, она держится очень изящно.

— Она держится неестественно. Не ходит, а изображает, что ходит. Для нее это все, — Нелли неопределенно повела рукой вокруг, — не родное. Не ее эпоха. Она кукла ряженая.

Словно остальные тут были не ряжеными, подумала я, но сдержалась.

— А ты... словно родилась во всем этом. Ты даже в шортах своих неприличных ходишь так, что к тебе не подступишься. Я не удивлюсь, если у тебя проблемы с современными мальчиками.

Тут ты угадала, с досадой признала я про себя.

— Они же не знают, как к тебе подойти. Мужчины всегда ищут легких путей. Но не все... Некоторым... некоторым нужен характер. И они так же любят этот век, как и я... как и мы.

Так, стоп, это уже... это о ком?

— Тебе рассказали про князя? — раздался контрольный выстрел.

— Так кое-что, — настороженно ответила я.

Голос мой, обычно слишком звонкий, едва прошелестел, словно темнота сгустилась настолько, что мешала говорить.

Меня будто втягивали во что-то. Но чего мне бояться? Я встряхнулась.

— А в чем, собственно, дело, тетушка? Надеюсь, вы не хотите сосватать меня этому князю? — я подпустила смешок в голосе, намекая, как это нелепо.

— А ты еще и умна, — заявила она.

— Да уж не трудно догадаться. А ничего так, что он... э-ээ... мягко говоря, постарше будет?

— Ерунда какая, раньше и не с такой разницей замуж выходили.

— Мы не раньше, и...

— Да подожди ты! — раздраженно прервала меня она. — Что мне в тебе не нравится, что ты никогда не дослушаешь! Имей уважение. Выслушай, потом будешь вкаты.

То, что ее лексика перестала быть томно-дворянской, насторожило меня еще больше. Сумасшедший дом. Меня хотят выдать замуж за старика! Ха-ха. Но рассмеяться почему-то не получалось.

— Так вот, слушай. Если что-то уже знаешь, потерпи, промолчи. Эта усадьба принадлежала предкам нынешнего князя. Они еще до революции тут обосновались. Раньше Димитрию усадьба была не нужна, поездил по миру, развивал отцовский бизнес. У него в каждом городе филиалы его фармакологии. Ты же слышала бренд «Сугорис»? Их знаменитый препарат «Улексасис» — его и в Греции закупают, и по всей Европе. А вот теперь вернулся. И хочет вернуть усадьбу.

— Хочет купить ее у вас?

— Давно уже давит... — нахмурилась Нелли. — У него

столько ресурсов... Как ты понимаешь, в этой усадьбе вся моя жизнь, не могу я ее продать! Поэтому... Хочу, чтобы он получил свое по-другому. Пусть женится на моей наследнице.

Она строго на меня посмотрела:

— Сумеешь ему понравиться, будешь моей наследницей.

— А разве Галя...

— Галя! Думает, высидит тут его, наследство-то, коли будет с постной миной говорить мне «тетушка». Знакомила я их прошлым летом. На первый взгляд понравилась она ему вроде. Приехал еще раз по осени, погостил у нас, пообщался побольше. И что-то вижу я, кисло ему. Может, и решится жениться, очень уж ему усадьба нужна. Вот только не крепкая это будет сделка. Надо, чтобы он влюбился по уши. Ты уж постарайся.

— Тетя, вы что, серьезно? — подняла брови я. — Не то сейчас время, чтобы заставлять... на такое... Я вообще-то отдыхать сюда приехала. Я учусь и собираюсь работать. Да и родители никогда...

— Выйдешь за князя, не будешь работать всю жизнь. Хотя — кто тебе помешает, если захочешь, — пожала плечами она. — Про клад тебе рассказали? Князь ищет свой клад. Но коли и не найдет, не обеднеет.

— Ваше сиятельство, тетушка, милая, это даже не обсуждается. Если я вам тут нужна только для этого... Что это за бред такой! Вам надо усадьбу сохранить, а я-то причем, что-

бы мне... — я теряла слова от волнения. — Да с какой стати вообще... я вас вижу второй день в жизни. Как вы могли подумать, даже не зная меня... даже...

— Ой, да ладно! Знаю я все про тебя. Мне для этого твоя биография не нужна. Сама была такая же.

«Надеюсь, что нет», — подумала я.

— Не забегай вперед, — усмехнулась тетушка. — Я тебе это сказала просто, чтобы ты знала. Никто тебя насильно к князю в постель не отправит. Вот увидишь, он тебе приглянется еще. Он необычный мужчина. Кто его раз увидит...

— Ха-ха! — раздельно и как можно грубее сказала я. — Спорим, нет. И денег мне его, и наследства вашего, и усадьбы с привидениями задаром не надо.

— А ты посмотри на него сначала. Непростой он. Давай, давай поспорим! По-настоящему, пари, давай!

Похоже, мои возражения не произвели на тетушку впечатления. И вообще вид у нее был загадочный и лукавый. Она выглядела сейчас как азартная девчонка.

— На что спорим? — меня тоже охватил азарт.

Я-то точно знала, что меня не окрутишь.

— Коли выйдешь за князя, будешь меня всю жизнь холить, лелеять и в этой усадьбе по моему все оставишь.

— А если нет? Сразу говорю — вы заведомо в проигрыше.

— Ты же нормальная? Если, конечно, не в Верку мою пошла, та всегда была немножко того. Ну, если все-таки проиграю, то приглашу сюда всю вашу семью, даже Верку. Приез-

жайте, когда хотите и на сколько хотите. Обязательство действительно, пока я владею усадьбой. Если же Гальяка тебя опередит, и они с князем меня как-то отсюда выживут, а уж способы есть, то тогда извини...

— Договорились!

Тетушка протянула мне руку, как в детстве, я ее сжала, и она сама же разрубила наше рукопожатие другой рукой.

— Мы кое-что не учли, — заметила я с опозданием. — А если сам князь не захочет на мне жениться?

— Если сам не захочет, спор, разумеется, отменяется. Я, детка, в своего папу пошла, слова своего держусь. Но на бал ты пойдешь и будешь там не в шортиках, ясно? Будешь играть, танцевать, как все. На других не смотреть, не оскорблять его светлость! Вот только... я давно его знаю. Еще как захочет.

И она махнула рукой — мол, ступай.

Аудиенция закончилась. Я встала и гордо вышла, стараясь всем своим видом показать, что все это попросту глупость. А страх, который я почему-то испытывала, списала на нервы.

Насколько же мерзким должен быть этот «непростой» князь, что он до сих пор не женился, думала я, поднимаясь к себе.

Разумеется, я сделаю все, чтобы он даже не приблизился

ко мне. Пусть женится на Гале, она так очевидно этого хочет. Не понимаю, какие богатства могут заставить ее вот так... с отвратительным стариком... Что она там говорила — проблемы в семье? Может мне и не стоит судить, вот только...

Стоп, как они лихо меня в это втавили! Я уже чувствую себя как бесправная невеста с картины «Неравный брак». Никто не сможет меня к чему-либо принудить или уговорить! Бедные, бедные девушки прошлого века... Конечно, дворянкам повезло больше простых крестьянок. Балы, платья, роскошь... Но все это фасад. А на деле — многие ли из них были счастливы? Сначала полная зависимость от родителей, потом — от мужа...

Бабуля этим вечером победила маму по количеству сообщений. Я отправила им обеим селфи с моря, получила очередную порцию «глубоко не заходи и в шторм не плавай», а потом бабуля спросила, есть ли в слободе храм. Мы с ней по воскресеньям всегда приходили в наш храм неподалеку от дома.

Если тетушка Нелли религиозна, то завтра воскресенье. Я бы с удовольствием зашла в местный храм.

Я вспомнила про поход на тетушкин пляж. А ребята — мой учитель танцев Жорж, дочки «помещицы-прихлебалы», как я ее мысленно окрестила, и Михаэль — они, небось, будут наслаждаться свободой на диком месте? Ах, нет, девушки будут оказывать на меня положительное влияние. А Михаэль завтра уезжает.

Я представила, как он заходит в воду и свободно плывет по волнам.

Жаль...

Но даже самой себе я не стала уточнять, чего мне жаль больше: что я не смогу тоже искупаться в этом прекрасном месте, или что не увижу карие с золотистым глаза пловца. Я усмехнулась. Истории про старого богатого жениха явно не доставало молодого возлюбленного, с которым меня разлучают.

В общем, я решила относиться к безумной тетушке с юмором. И даже вообразила, как расскажу об этом родителям и подружкам — вот смеху-то будет...

В воскресенье тетушка даже не вспомнила о службе в храме. Она приступила к выполнению своей части договора: утром ко мне постучалась Ольга и сообщила, что на сегодня объявлено утреннее купание.

А у меня возникла проблема с заполнением дневника сновидений. Надо сказать, что сны тут мне снились яркие, и не ускользали, не испарялись через пару секунд как проснешься. Сегодня мне приснился князь на троне — старец, похожий на черного ворона. Все должны были стоять перед ним на коленях. И я, к моему стыду, тоже опустилась на колени, словно так и полагалось, хотя в душе разливался протест. И

вдруг в углу я увидела Михаэля: он держал руки скрещенными на груди и ползать не собирался. Я его сразу зауважала. Но мне стало страшно, что сейчас его казнят. Я начала подавать ему знаки, чтоб он ушел, а он как будто не замечал. Князь тоже его увидел, взгляд его стал очень страшным. Я вскочила — и тут же проснулась.

Подумав, я решила, что князю будет только на пользу прочесть этот сон — пусть считает, что я его ненавижу и думаю о другом. Да и тетушки я не боюсь. Старательно записала все в красках, стараясь как можно ярче отобразить свою ненависть к князю и силу переживаний за парня.

Ольга принесла мне, как обещала, легкое платье «на выход» — нежно-голубое, с аккуратным вырезом, рукавами-воланами и обязательными перчатками. Мне также вручили голубую шляпку, которая оказалась мне очень к лицу, и на всякий случай еще и кружевной зонтик.

Сама тетушка и ее статс-дама, как выяснилось во время завтрака, никуда не собирались, что меня совсем не расстроило. Нас с Галей милосердно отпустили под присмотром рыжеволосой фрейлины с дочерьми в сопровождении горничной Ольги. Каретой правил на этот раз другой, бородатый кучер при всем наряде.

Этот пляж был песчаным и благоустроенным. Вместо лежаков стояли парусиновые шатры, под которыми все устраивались по старинке на покрывалах или одеялах. Шатры тянулись в стороне от моря. На равном расстоянии друг от друга

находились деревянные вагончики для переодевания. Возле них то и дело появлялись передвижные купеческие лотки с водой и пирожными.

В шатрах вокруг корзинок с продуктами сидели, как на пикнике, мужчины, и женщины, но купались они в самом деле порознь. пляж был поделен на две части. По заведенному порядку мужчины, переодевшись в синих вагончиках слева, сразу шли купаться левее, а женщины — из красных — правее.

Первой в раздевалку отправилась Анна Вениаминовна. Ольга расстелила на песке огромный плед, на котором уместилось бы человек шесть. Я спросила, будет ли она купаться, но горничная удивленно вытаращилась: что вы, барышня, разве нам можно?

— А почему нельзя? — не отступала я.

— Я тут при усадьбе, сударыня, родилась, — строго сказала молодая женщина. — И мама моя тут работала, и бабушка, и никто никогда с господами не купался, не по чину нам.

— А вы вообще-то на море ходите?

— Некогда нам глупостями заниматься, мы не на курорте, у нас работа. Вот отпуск дадут, возьму путевку в Египет — все включено и пять звезд, там и накупаюсь. Пойду корзины принесу и куплю вам напитки.

Тем временем Елена с Софией тоскливо озирались вокруг. Елена плюхнулась на коврик. Пока мы ехали в карете, ни одна со мной не заговорила, возможно, из-за Галиного

присутствия. Я так и не поняла, рада ли этой вылазке «сестрица» или нет. Возможно, она считает упущенным любое время, когда не крутится возле тетушки. Судя по тому, что девушки не обращали на нее никакого внимания, за этот год они ни капли не сблизилась.

Впрочем, и меня они в свою компанию принимать не желали. София, которая игнорировала меня не так явно, как ее младшая сестра, повернулась ко мне и негромко, но многозначительно произнесла:

— Теперь понятно, кому мы обязаны удовольствием... Сто лет не была на этом пляже.

Кислое выражение лица Елены и без слов говорило, насколько они благодарны.

— Дорогие, помогите мне, пожалуйста! — раздался голос их матушки из вагончика. — Я не понимаю, где чей костюм!

Ни Елена, ни София даже не шевельнулись. На помощь отправилась Галя, а они только сбросили свои балетки.

— Так что, ты еще одна бедная родственница? — ехидно спросила Софа.

Если младшая сестра предпочитала делать вид, что меня нет, старшей хотелось ко мне цепляться.

— Ага, — спокойно ответила я.

— И тебя тоже потащат на бал знакомиться с князем?

— А как же, — кивнула я. — Георгий уже дал мне первый урок танцев.

Про Георгия я упомянула намеренно и попала в точку —

София сразу же помрачнела.

— Мы в курсе, — скривилась Елена. — Он тотчас же побежал к нам рассказывать, у кого ты гостишь.

— Смотри, не сдай нас матери! — предупредила София. — Мы ей наврали, что поехали в Виллару на раннюю службу. Поэтому сегодня нам разрешили в храм не ходить.

— А храм только в Вилларе? — поинтересовалась я.

— А где же еще. Ее сиятельство не любит попов, и храм в слободе закрыт.

Как-то не в духе любимого тетушкиного столетия. Хотя что с нее взять, она ж родилась при Хрущеве. Дитя атеистов.

— Михаэль сюда точно никогда не пришел бы! — буркнула Елена, оглядываясь.

— Он в любом случае уехал, — пожала плечами София, повернувшись к сестре. — Кстати, ты можешь тоже поехать в Альмаран — узнать расписание экзаменов, к примеру. Через год тебе поступать. Чего ты киснешь, придумай что-нибудь. Напросилась бы вместе, с ним бы тебя отпустили.

Елена промолчала, и я заподозрила, что она, возможно, пыталась, вот только кое-кто встретил ее идею без энтузиазма.

— О, Жорж! — вдруг обрадовалась София, обернувшись. — Как хорошо, что ты нас не бросил! Здесь так скучно.

К нам действительно шел мой учитель танцев.

— Сударыни, — он артистично поклонился каждой по отдельности, в том числе и мне. — Угадайте, кого я встретил

только что возле конюшни?

Он сделал выразительную паузу.

— Мihu!

Елена встрепенулась:

— Как, он разве не уехал сегодня?

— Сказал, задержится еще на денек-другой. Какие-то дела. А я-то думал, мы вчера утром с ним распрощались. Он, между прочим, шел...

Георгий обернулся, не прислушивается ли кто.

— С нашего места, — закончил он шепотом.

— Как?! — воскликнула Елена. — Он ходил туда без нас?

— Ну... наверное, как-то прознал, что вас сегодня можно не ждать, — пожал плечами Жорж.

Я не поняла, почему он бросил при этом взгляд на меня.

Настроение у бедной девушки совсем упало. Ее мать и Галя, уже обе переодетые, фрейлина — во что-то несуразно-цветочное, Галя — в однотонное серое платье с шароварами (даже такой наряд не скрывал ее идеальной фигуры), помахали нам из вагончика: вы, мол, следующие, и отправились к воде.

Елена нехотя проследовала в раздевалку, но Софа не стала оставлять меня с Жоржем наедине.

— Между прочим, — Георгий снова повернулся ко мне,

— Михаэль очень удивился, когда я рассказал ему сейчас, у кого вы гостите.

— А что тут удивительного?

— Ну... может быть то, что вы решили это скрыть.

— Просто я ушла из дома без спроса, вот и все.

— Галина ваша сестра?

— Очень-очень дальняя.

— Снежная королева, — пробормотал он куда-то в сторону, пока София оглядывалась назад.

— Интересно, что вы приехали. А я думал, что это ее собираются... — начал Жорж, но тут София толкнула его в бок:

— Смотри-ка... Вот уж не ожидали!

Пробираясь мимо расставленных в шахматном порядке шатров, к нам подходил Михаэль.

Он был одет так же, как в прошлый раз, только шел босиком, неся парусиновые туфли в руках.

Я почему-то разволновалась. Все из-за дурацкого сна: всегда неловко видеть человека, который только что снился. Впрочем, Михаэль сейчас действительно напоминал самого себя из сна. Выражение лица у него было напряженным, а в глазах тревога. И смотрел он прямо на меня, даже не скрываясь.

Я чувствовала себя довольно унижительно в этом платье, — словно я соблюдала дресс-код по указке его подружек. Смутившись, я принялась искать в сумке свой новый купаль-

ный костюм.

— Решил второй раз окунуться? — лукаво спросил Жорж.

— Да, — коротко ответил тот.

— Узнаешь? — Георгий театрально повел рукой в мою сторону, словно экскурсовод, указывающий на достопримечательность.

— Сменили образ? — спросил Михаэль, все так же глядя на меня в упор.

При этом он даже ни с кем не поздоровался.

— Пришлось, — сухо ответила я.

— А ей к лицу сей наряд, не правда ли? — Георгия, похоже, забавляла ситуация.

— Нет, не к лицу, — сказал Михаэль, заставив меня удивленно поднять на него глаза. — Не так. Она в нем полностью органична.

— Да-да, вот точно, умеешь ты подбирать слова. Я и говорю, словно она всегда в таком ходила, прямо из того века и заявила! — Жорж гордо воззрился на меня, словно только что подтвердил свою теорию.

Софии все это не нравилось.

— Надеюсь, князь будет в восторге, — ехидно произнесла она.

— Не сомневаюсь, — еще больше помрачнел Михаэль.

Похоже, тетушкина задумка ни для кого тут секретом не являлась. Видимо, в прошлом году они наблюдали спектакль

под названием «выдать замуж Галю». А теперь, внимание, ремейк: смотрите с участием новой актрисы.

Меня не устраивало, что меня обсуждают в третьем лице, и я хотела сказать что-то едкое, но тут прибежала взмыленная Ольга с корзинами в руках и бутылкой воды под мышкой.

— Там Анна Вениаминовна из воды кричит, интересуется, где вы.

— Да и правда, пора, жара уже страшная, — спохватилась я. — Интересно, будет ли так органично смотреться на мне мой новый купальник...

— Будет, — на полном серьезе ответил Михаэль.

Мне стало смешно.

— А вы чего стоите, идите в свои вагончики, — весело приказала я. — Надеюсь, мы увидим знаменитый полосатый костюм Георгия. А у вас какой, Михаэль?

— Темно-синий, — прищурился он.

— Значит, так, — отчеканила София в вагончике, напяливая на себя блекло-розовое купальное платье. — Попрошу запомнить: Георгий — мой.

— Не претендую, — презрительно ответила я.

Терпеть не могу девчачьих разборок.

— Не знаю, что тебе там твоя сестрица наплела, — продолжила она, — что он был влюблен в нее или что... Он про-

сто увлекается быстро. Но он к ней практически сразу остыл. В нее все сперва были влюблены — как же, такая красотка из Москвы прибыла.

— А кто еще, Михаэль?

— Вот он как раз нет. Сказал, не его типаж.

— А кто его типаж? — искренне поинтересовалась я.

— До недавнего времени никто не знал, — прищурилась она, откровенно меня изучая. — Ленка о нем с детства мечтает, да без толку.

Она помолчала, а потом добавила:

— Забавно, что ты спросила. Я-то еще вчера заметила, а сегодня он и вовсе не скрывает.

— Ерунда! — я отвернулась.

— Бедняга. Впервые понравилась девушка, а она уже предназначена для другого... Но может не стоит ему так нервничать. Понравишься ли ты князю, еще бо-ольшой вопрос. Если уж Галя его не устроила...

— Хватит нести чепуху, — разозлилась я. — Вот так сплетни и рождаются. Я просто хочу отдохнуть, ясно? Отстаньте от меня со своими князьями и вообще.

Я посмотрелась в зеркало, поморщилась, увидев свой образ в зеленой хламиде, и отправилась к морю. Выходя из вагончика, обернулась: ребят под нашим навесом уже не было, наверное, тоже пошли купаться.

Мужчины плавали так далеко, что никого на таком расстоянии и не разглядеть.

Вода сегодня была гладкой, как зеркало, но гармонию портила стая женщин в курьезных костюмах. Вместо шума моря я слышала только их громкие голоса.

Физическое удовольствие от купания было сведено на нет противно липнувшим к телу костюмом. И я утешалась лишь тем, что никто не сможет мне запретить встать завтра в пять утра и уйти на галечный пляж. Тетушке я слишком нужна, чтобы она меня из-за этого выгнала. Вполне вероятно, туда придут и остальные из прежней компании. Девушек одних на «богослужение в Виллару» не отпустят, значит...

Я держалась особняком и старалась отойти ото всех подальше. Галя и вовсе уже вышла из воды и отправилась одеваться. Я оглянулась на сестер — Елена с Софией не плавали, а эмоционально общались друг с другом, размахивая мокрыми рукавами. Не трудно было угадать, что они обсуждали.

Я отходила все дальше и дальше, невольно приближаясь к мужской половине моря — правее были только рифы.

И вдруг возле меня кто-то вынырнул. Я ахнула от неожиданности — снова Михаэль. Действительно в темно-синем комбинезоне.

— А ничего, что тут... — начала, было, я.

Но он помотал головой, прерывая:

— Я должен вас предупредить. Выслушайте, пожалуйста!

— А нельзя было как-то потом?

— Я не знаю, удастся ли нам еще поговорить перед балом.

— А вы будете на балу?

— Обязательно, — угрюмо сказал он. — Так вот, этот князь... он странный и нехороший человек. Не поддавайтесь его влиянию. Может, вам не сказали, у них все жены умирают... Черные вдовцы, вот кто они такие.

— Слушайте, во-первых, это все ваши местные сказки. Во-вторых, с чего вы взяли, что я собираюсь... Я еще не сошла с ума!

— Во-первых, не сказки. Во-вторых, все наши девицы подпали под его влияние и сохнут по нему. Он обладает каким-то...

— Деньгами он обладает, чем же еще, — подняла брови я.

Хотя если девушки сохнут по старику, возможно, он и правда гипнотизер?

Михаэль был обеспокоен, но все-таки немного расслабился. А зря, потому что к нам уже торопилась Елена. А в курятнике, обнаружив вредителя, закудахтали фрейлины.

— Ладно, я пошел, — сказал он, намереваясь малодушно сбежать.

Там, где мы стояли, ему было по пояс, и он направился к берегу. Сама не зная почему, я двинулась следом. Мы вышли на берег, Елена за нами.

— Михаэль! — крикнула она, и ему пришлось обернуть-

ся.

Честно говоря, простые плавки выглядели приличнее, чем эти обтягивающие комбинезоны с короткими рукавами и такими же шортиками. Неловко было даже стоять рядом. Впрочем, Михаэля этот нелепый костюм не испортил — на его спортивной фигуре все сидело отлично.

— Так ты не уехал... И когда ты теперь собираешься?.. — нервно спросила девушка.

— Не знаю. Может, через неделю. У меня появились дела. И он поспешил направо к мужскому вагончику.

— Ага, дела, как же... вижу я твои дела, — пробормотала Елена.

Она с ненавистью поглядела на меня, а в глазах у нее стояли слезы.

— Чтоб тебя в черный колодец затянуло! — выпалила она и побежала прочь.

Михаэль больше не появился, и Георгию пришлось выслушивать за него все, что собиралась высказать Анна Вениаминовна о неприличном поведении, нарушенном доверии и тому подобном. О моей распущенности — я ушла на мужскую половину! — обещано было доложить тетушке.

Девушек, которые так и не смогли правильно на меня повлиять, отправили домой со знакомой дамой.

На обратном пути я снова сидела справа, и поэтому увидела теперь на другой стороне тот самый заброшенный храм — оказалось, у него очень необычная архитектура. До усадьбы было совсем недалеко, и я сделала себе заметку сходить и рассмотреть его получше.

Когда мы приехали, фрейлина побежала жаловаться, а я взяла пару корзин, чтобы помочь Ольге отнести их на кухню. Я очень надеялась, что в наказание меня заставят там обедать.

— У вас тут свои ругательства, я посмотрю, — вспомнила я, обращаясь к горничной. — Елена отправила меня в какой-то черный колодец.

Ольга ахнула и встала на месте:

— Она совсем обезумела! Из такой приличной семьи... Что же делать... вам надо срочно снять это проклятье, иначе...

— Да какое проклятье?

— Не бойтесь, не плачьте, барышня, дорогая... Я сегодня же спрошу у моей мамы... она, может, знает, как его снять. Такого у нас не произносили уже давно... а когда последний раз, то девушка навечно пропала!

Мне стало не по себе.

— А что это значит вообще?

Ольга обернулась по сторонам.

— Барышня, я попозже найду... А вы пока расскажите ее сиятельству! Чтобы она на порог больше этих не допускала!

И она отправилась на кухню, в ужасе мотая головой.

Обедать на кухню меня не послали, но хотя бы Анну Вениаминовну остаться не пригласили, и на том спасибо. Трапеза проходила в узком семейном кругу: только тетушка, Полина Тимофеевна, Галя и я.

Оказалось, что у Нелли болит голова, и поэтому она быстро отправила всех восвояси. Рассказывать тетушке про черный колодец я не стала. Во-первых, мне не хотелось представлять перед ней суеверной дурочкой, во-вторых, терпеть не могу ябедничать.

Выговор, которого я ожидала, оказался довольно коротким.

— Нельзя, чтобы о моей... э-э... родственнице ходили слухи. Тебе нужна незапятнанная репутация. Ну и потом, — тетушка не давала мне высказаться. — Михаэль — хороший мальчик, у него старинный дворянский род, но они давно обнищали. Отец разводит лошадей для линеек и бричек да водовозов. Он практически фермер.

— А моя мама учительница. И вы сами... вы разве из настоящих дворян? — не выдержала я.

— Не груби ее сиятельству! — вмешалась статс-дама. — Ее отец был почетным гражданином Калидоры, и ее сиятельство сами столько сделали для слободы! Глава российского

императорского дома пожаловал титул ее отцу, а ее сиятельство заслужила дворянского звания своими делами!

Тетушка, однако, отмахнулась:

— Речь не о титулах. Не стоит размениваться по мелочам, вот и все. Надо произвести хорошее впечатление на князя, а если он узнает... Мы же договорились.

Тут Галя побагровела и уронила — точнее, нарочно швырнула вилку на пустую тарелку. Тетушка бросила на нее недовольный взгляд.

— Вы, обе, я имею в виду, — без особого энтузиазма исправилась она. — Мне все равно, кто из вас удостоится внимания его светлости. Но вы должны быть безупречны в его глазах.

Отлично, подумала я. Значит, чтобы князь сам отмел мою кандидатуру, надо просто быть небезупречной. Но тогда я нарушу условия спора.

— Без фокусов, детка! — строго сказала Нелли, разгадав мои мысли. — Помни наш уговор — нечестно играть нельзя. Вот если я проиграю — ха-ха, тогда с кем хочешь и когда захочешь, я тебе не цербер, не нанялась тебя тут сторожить.

Галя, которая могла быть кем угодно, но только не дурочкой, выскочила из-за стола. Было странно видеть, как ее обычно аморфные глаза сверкнули от гнева.

— Прошу меня извинить! — выпалила она и вылетела из комнаты.

Тетушка неторопливо вытерла губы салфеткой.

— Ей только на пользу, — спокойно сказала она. — Пусть старается лучше. Мне действительно все равно, она или ты. Но...

— Она свой шанс упустила, — припечатала статс-дама.

— После обеда пойду пройдуся, — заявила я.

Статс-дама сразу приняла стойку, но я добавила:

— И не надо за мной следить. Я помню договоренность. Я просто прогуляюсь, хочу посмотреть местный храм.

— Там нечего смотреть, — пожала плечами тетушка. — Но иди, конечно. Просто без сопровождения дамам ходить не принято.

— А я не дама, — сказала я. — Впрочем, могу взять с собой Ольгу.

Я дождалась ее в саду. Горничная мне очень нравилась, несмотря на свои суеверия и привязанность к здешним обычаям. От нее исходили тепло и доброжелательность, а таких людей в моем окружении сейчас недоставало.

— Ох, барышня, — начала она сразу, без предисловий. — Я рассказала ее сиятельству. Но...

Она огорченно покачала головой.

— Говорит, все это выдумки и ерунда. Мол, про князя тоже болтают, что в его роду морят жен, и про колодец этот дурацкий. Сбежала, небось, девчонка с любовником, а мамаша

ее про колодец и сочинила, чтобы позора не было. Вот только неправда это! Моя мама дружила с той девушкой... я все-все про это знаю!

Мы пошли вместе по аллее. Зонтик от солнца сейчас, в самый разгар дня, очень пригодился, а обязательные перчатки я бросила в белую холщовую сумку для вышивки, которую таскала с собой — мой рюкзачок не подходил к новому наряду.

— Это было лет через пять после того, как отец ее сиятельства усадьбу купил... сейчас посчитаю... в восемьдесят четвертом, ага. Все в слободе знают это проклятие, но даже своим врагам стараются такого не желать! Несколько раз в столетие на территории слободы открывается этот колодец. Никто не знает где и когда он появится. Его создал древний князь-чародей, который впервые поселился в усадьбе. Создал для наказания неугодных... Моя мама говорит, что ее подружка, Анелла, калидорка, работала на фабрике в Альма-ране, и приехала сюда в гости к родным. Ее мама была портнихой, отправила ее в усадьбу по швейным делам. Анелла и понравилась князю. Тот здесь с женою как раз гостил.

— Так у князя была жена?

— Конечно была, умерла она, — удивилась вопросу Ольга. — Здесь жили ее родные, тоже с титулом, хоть и не настолько богатые. Князь всегда останавливался в своей бывшей усадьбе, у тетушкиного отца, как друзья они, значит, были. Анелле девятнадцать, вот как тебе, а ему, кажись, трид-

цать, да такой красавец. Анелла в него сильно влюбилась и забеременела от него. Она моей маме сказала, что хочет, мол, потребовать от него, чтобы признал ребенка. А князь заявил, что не нужны ему такие наследники. Столько денег, а в помощи ей отказывает, дает ей гроши и велит уезжать, чтобы не прознала, значит, жена. Моя мама уж так уговаривала ее с ним не связываться, не ходить к нему. А на другой день Анелла пропала.

— А при чем тут колодец?

— Видели его в ту ночь, колодец-то. Ночью шла одна фермерша от подружки, вино с ней пили. Пошла коротким путем, через поле. И видит — прямо посередине поля колодец, которого не было. И вроде как голос оттуда женский... и все затихло.

— Так что же она не посмотрела, может Анелла еще жива была!

— Что вы, барышня, да она так напугалась, припустила оттуда, потом три дня тряслась. Этот колодец даже увидеть — и то не к добру. Бездонный он. Засасывает в себя, как в болото. Это не совсем колодец даже, просто прозвали так. Он прямо из земли вылезает, черные лепестки открываются, как у цветка отравленного.

Все это очень походило на местный фольклор. Фермерша, небось, выпила столько вина, что ей могло почудиться что угодно.

Но руки у меня предательски похолодели. Подсознание

иногда выдает такой иррациональный страх... Я приободрила себя, стараясь мыслить логически.

— Ну и не переживай тогда, меня-то за что туда отправлять? И причем тут проклятие, если дело в изменщике-князе?

— Да, я самое главное-то не сказала. Колодец может открыться, только если человека кто-нибудь проклянет. Кто ее проклял, не знаю, но ревновали ее к молодому князю ой как многие...

— Ладно, — стоически держалась я. — Но князь-то все равно нужен. В колодец же отправляет чародей.

— Вот вы от него и подальше, пожалуйста...

У меня мелькнула мысль: а может взять, да и уехать, дабы не успеть разозлить князя? Но я тут же сама себя отругала. Еще не хватало бояться всякой чуши. Да и договоренность с теткой нарушу — спор есть спор.

Ольга смотрела на меня со страхом и жалостью, но тут мы подошли к храму, и я встряхнулась. Никакие чародеи мне не страшны.

— Можно, я не пойду? — спросила Ольга. — Подожду вас здесь.

— Почему это? Еще какая-то история или легенда?

— Нет, но моя мама говорит: коли служба не ведется, что угодно заведется.

Сколько же тут суеверий всяких, это поразительно, показала головой я, с изумлением взирая на храм.

— Какой необычный, красивый... А кто его построил? Тоже князя?

— Да, но очень давно, видите, написано «одна тысяча семьсот шестидесятый». Говорят, один из князей был исключением рода, некрасивым, но добрым. Он построил храм в честь своей умершей матери, которую даже не знал, и жены, которую оплакивал. Она была католичкой, и он мечтал, чтобы в этом храме могли молиться и православные, и католики.

— Ну хоть что-то хорошее есть в вашей летописи, — усмехнулась я. — А его жена умерла сама?

— У нас много хорошего в Слободе! — возмутилась Ольга, не отвечая на вопрос. — Просто рассказывают-то чаще дурное... а тут еще это проклятие, прости Господи. Не к добру вы сюда приехали, барышня...

— Ну хватит причитать, — рассердилась я в свою очередь.

Храм вовсе не был разрушен, все стены остались целы, входная дверь плотно притерта, стекла на месте. Вблизи его архитектура казалась еще более чудной. Был он чуть больше сельской церкви, но выглядел как уменьшенная копия собора и не походил ни на деревенскую церковь с зелёной главкой, ни на величественный костел.

Все строение, хотя и совсем невысокое, казалось воздушным, возвышенным, тянущимся к небу. Стены светлые, чуть розоватые, будто утреннее небо. Купол — не луковичный, а вытянутый вверх, как нераскрытый бутон. Над ним — кованный крест, будто вспорхнувший. Он казался слишком тонким, чтобы держаться, но все же стоял, упрямо светясь в небе. Вход был высокий, выше человеческого роста. Камни вокруг дверной арки украшали вырезанные, похожие на пальмовые, листья.

На одной половине дверной скобы висел незапертый ржавый замок. Я потянула за ручку, и, к моему удивлению, дверь легко поддалась. Тяжелая, массивная, она открылась без особых усилий, словно храм только меня и поджидал.

На меня пахнуло прохладой и пылью одновременно, как бывает после небольшого дождя, который только немного смочил дорогу.

Внутри храм казался больше, чем снаружи. По правую и по левую сторону стояло несколько рядов скамеек. Типично православные иконы, глядевшие со стен, даже не потемнели от времени, лики на них были очень светлыми. Алтарь не отделялся иконостасом, а находился на небольшом возвышении и был огражден небольшой решеткой. Иконы по всему храму чередовались с небольшими скульптурами, изображающими святых.

Вытянутые кверху окна переливались цветным стеклом витражей — не ярким, как в готике, а мягким, золотисто-ла-

вандовым. Свет падал сквозь них узкими струйками. Видимо поэтому казалось, что лики на иконах дышат, а фигуры святых вот-вот шевельнутся, встречая. В самом центре под куполом висел большой деревянный крест. В правом и левом пределах находились подставки со следами оплывших закаменевших свеч.

Я чувствовала — храм жив, хоть и оставлен. Здесь давно не служили, не пели, а всё же хотелось задержаться тут и посидеть в тишине.

Справа находилось место для певчих с полукруглой скамейкой для отдыха. Я прошла по храму; шаги мягко гасли на полу из тёплого серого камня. Посидела на этой скамейке. С нее открывался интересный обзор. Мое внимание привлекло одно из витражных окон с изображением неизвестной мне святой. Она стояла в пол-оборота с ларцом в руках и как будто чуть-чуть оглядывалась, задумчиво и приветливо. Ларец был приоткрыт, но внутри — не золото и не жемчуг, а свет, как от утреннего солнца. Лицо у нее было не строгое и не скорбное, а таинственно-веселое: «не скажу, мол, догадайся сама».

Уж не эта ли икона навееяла легенду о сокровищах? Впрочем, какая легенда, когда князь проверяет дневники сновидений... если только он душевно здоров.

Тут я вспомнила про Ольгу. Нехорошо заставлять ее ждать меня дольше. Встала, попрощалась мысленно со святой и вышла наружу.

Ольга сидела у стены на каменной лавочке.

— Что за икона там со шкатулкой? — спросила я.

— София Сокровищница? — сразу же, не задумываясь, ответила горничная.

— А кто это?

— Наша Калидорская святая! — гордо сказала она. — Тот князь, что построил храм, специально велел ее образ сделать, в назидание своим потомкам, чтобы они не так деньги любили. Говорят, кто смотрит на ларец с жадностью — он на иконе будто закрывается. А кто бескорыстно — тот видит, что внутри. А в ларце-то не деньги и не драгоценности, а другие дары, четыре камня: разум, сострадание, чистота помыслов и терпение. Меня мама в детстве учила, чтобы запомнила. Ну, ни одному князю этого не дано, видать, было. Окромя того, кто храм построил, конечно.

— А ты что думаешь про этих князей?

— Да то и думаю! Я помню про бедную мамину подружку. Кто от них пострадал, тот уже ими не очаруется.

А Ольга-то, хоть и суеверна, но по-житейски мудра. Мне захотелось вернуться и глянуть еще раз, — я помню, что ла-рец был открыт, и из него исходили лучи, но не заметила там камней. Наверное, просто солнце слепило через окно.

Ну ладно, теперь уже в другой раз рассмотрю, решила я.

В понедельник утром я записала свой бестолковый сон: я была у себя дома в Москве и искала целые колготки, а какие ни надень — или рваные, или сборят, как у ребенка, под каблуки просто ужасно. Какое все-таки извращение — рассказывать свою подсознанку посторонним людям! Впрочем, до некоторых постов в соцсетях мне еще расти и расти. Я вспомнила, как давно не листала ленту и удивилась, что мне не очень-то и хочется.

После завтрака я подошла к ее сиятельству.

— Тетушка, — твердо сказала я, — не могу я больше на тот ваш пляж. Ну что за радость купаться в одежде. Пожалуйста, можно я схожу в другое место, которое сама нашла, помните? Не бойтесь, я пойду туда в длинном платье и все такое. Очень-очень рано, никто и не увидит, что я без сопро-

вождения. Вообще никто!

Полагаю, что тетушка возлагала на меня слишком большие надежды, чтобы отказать мне. Она вообще как-то расслабилась после того, как мы заключили пари, да и статс-дама поумерила пыл, с головой уйдя в подготовку к балу.

В общем, тетушка согласилась — тем более что Анна Вениаминовна сказала, что больная, а Гале было совершенно плевать на море. Ее поглотила работа: пошив какого-то особого бального платья и выбор украшений к нему. Надо отдать должное тетушке, в средствах она ей не отказывала и все это оплачивала.

Что будет представлять собой мое бальное платье, я сильно не задумывалась.

Для походов на пляж мы с Ольгой придумали кое-что, чтобы я могла раздеться сама, не путаясь в застежках. Она взяла мой самый длинный сарафан, подшила к нему белый кружевной подол и нашла мне такую же кружевную накидку, чтобы прикрыть обнаженные руки и плечи.

Но идти пешком не пришлось, тетушка договорилась с кучером — тем самым пареньком, что привез меня сюда. Он закинет меня туда по дороге в Виллару, куда ехал на ранний базар за рыбой, а потом заберет обратно.

Смущала только вероятность встретить там ту же компанию.

Впрочем, Георгий отпадал — Галя послала за ним поваренка, и учитель танцев мигом примчался, отложив все де-

ла. Ей, видишь ли, надо получше отрепетировать пару движений. Интересно, отправит ли ее в колодец София или выдержится?

Получается, девушки могли пойти на пляж только в сопровождении Михаэля, а что-то мне подсказывало, что сопровождать он их без Жоржа не будет. Ну а если они там окажутся, я просто отойду подальше, окунусь и вернусь обратно, когда мне вздумается.

Мы выехали довольно поздно, около половины десятого, на бричке, а не на карете. Едва не проехали нужное место, но я все-таки сообразила, где остановиться. Отпустив парнишку, я спустилась на свой серебряный пляж — он был девственно пуст. Я приготовилась прекрасно провести время в одиночестве.

И правда, я была почти счастлива там одна. Почему «почти», я старалась не задумываться, но мне чего-то не хватало.

С кучером мы сразу договорились, что я не стану его ждать. Но и торопиться мне было некуда: лучше наслаждаться природой, чем торчать в усадьбе.

Я купалась, разговаривала с морем, потом сама с собой, потом почему-то с Софией Калидорской, как со своей хорошей знакомой. В моем воображении она даже обещала мне поддержку.

Наконец, я сильно проголодалась. Я проделала большую часть обратной дороги в одиночестве, а потом впереди по-

слышался стук копыт, и из-за поворота, как это пишут в романах, вылетел конь.

Всадник в светлой рубашке и льняных брюках уверенно сидел в седле. Завидев меня, он остановил коня и очень ловко спешился. А потом не очень ловко поклонился.

— Привет, — немного растерялась я и зачем-то покраснела.

— Привет, — со своим неповторимым акцентом сказал Михаэль. — Вы идете с пляжа?

— Да... А ты... вы?..

— Я приходил рано утром, вас не было, и я поехал на общественный. И там вас не обнаружил. А потом встретил Георгия, он сказал, что вы на море.

Он так откровенно признавался, что искал меня, и смотрел при этом чуть исподлобья, словно ожидая вопроса. Но я ничего не спросила.

Я потихоньку двинулась вперед, а Михаэль пошел рядом, ведя коня под уздцы. Некоторое время молчали, потом я разрушила тишину:

— Вчера заходила в ваш храм, который здесь, в слободе. Он очень красивый.

— Да. Жаль, что не действующий. Моя мама любила туда ходить.

— А почему? Я думала он разрушен, а там даже косметического ремонта не требуется, ну почти...

— Прежний священник был старенький совсем, он умер.

А другого не выписали. Ваша тетушка закрыла храм под предлогом ремонта. Вот только никто ремонтировать его не собирается, второй год стоит. Мы живем прямо напротив, так что все отлично видим.

— Чего же она так, — удивилась я.

— Ее отец этот храм любил. А ее сиятельство... она, видно, сильно под влиянием Сугорских.

— Сугорские это кто? Только не говорите, что это князь!

— Тогда я промолчу, — невесело усмехнулся он.

— И чем этим Сугорским храм не угодил?

Михаэль посмотрел на меня, будто сомневаясь:

— А вы не примете меня за мракобеса?

— Постараюсь.

— В народе считают, что они чародеи, — нехотя произнес он, — и храм им якобы мешает делать свои делишки. Их много в чем подозревают.

— Существует презумпция невиновности, между прочим.

— Существует еще и коррупция... В общем, не важно. Все тут знают, что Сугорские давно мечтали закрыть этот храм. Но раньше много народа туда ходило, не получалось. А сейчас... По мне, так князей больше злит калидорская святая.

— София с ларцом?

— Да, она для них как укор. По легенде витраж все видят по-разному....

— А, знаю, закрытый или открытый.

— Ага. Вот вроде как Сугорские видят только закрытый. Поймите, Марина, я не любитель всякой чертовщины, повторяю только то, что...

Он так мягко, так красиво произнес мое имя...

— Возможно, их злит, что они не могут найти сокровища. Вот ларец и закрыт для них, — предположила я.

— Возможно. Или все еще проще. Содержание храма стоит денег, а ваша тетушка не особенно в нем нуждается. Прихожане ездят в Виллару, тут недалеко.

— Вот это скорее всего. Мне тут мистики уже выше крыши хватает. Сокровища, сны, привидения, черные колодцы, святая с ларцом...

— Вижу, вас уже познакомили с нашими местными байками, — улыбнулся Михаэль.

Когда он улыбался, его скуластое лицо озарялось внутренним светом, и больше всего улыбались умные карие глаза. А уж эти ямочки на щеках при такой мужественной внешности...

— Не вы ли про князя мне тут затирали? — ехидно спросила я, чтобы не выказать смущение.

— То, что я сказал, это не байка, — улыбка слетела с его лица.

Я не хотела снова слушать про нехороших князей и спросила:

— А вы что видите в ларце святой Софии?

— Как все, четыре камня. А вы?

— Я там камней не разглядела, светило солнце, наверное. Ларец был приоткрыт, это точно, а оттуда словно лучи света брызжали.

Михаэль даже остановился.

— О как, — озадаченно сказал он. — Вот и не верь в легенды...

— А что? — насторожилась я.

— Ну по легенде свет из ларца, а не камни, увидит тот, кто будет призван святой Софией бороться с корыстью и сребролюбием.

— Вот уж спасибо, — фыркнула я. — Небось прямо сейчас и придумал.

— Ничего подобного, спроси любого. И давай уже правда на «ты».

— Ага, — согласилась я.

Тем временем мы дошли до ворот усадьбы. Настроение у Михаэля снова переменилось, он нахмурился.

— Так когда ты теперь уезжаешь в город? — не выдержав, поинтересовалась я.

— Не хочешь спросить, почему я не уехал? — вопросом на вопрос ответил он.

— Эээ... ну... у тебя же какие-то дела.

Я почему-то трусила. Его глаза с золотинкой были так близко. Они излучали тепло, вот-вот опять улыбнутся, но нет, Михаэль больше не улыбался.

Конь, которого он держал за уздечку, слегка фыркнул. Я

не выдержала взгляд Михаэля и повернулась к коню. Его карие глаза тоже смотрели на меня выжидающе.

— Как его зовут?

— Василий. Васька.

— Можно его погладить?

— Попробуй.

Я протянула руку и осторожно погладила его блестящую морду. Конь, к моему удивлению, мягко положил голову мне на плечо.

— А ты ему очень понравилась, — негромко сказал Михаэль.

— Он мне тоже... очень, — смущенно улыбнулась я.

Его лицо приблизилось, и мне показалось, что он сейчас меня поцелует.

Но тут очень вовремя (или невовремя) подъехала бричка с моим пареньком. Михаэль бросил на меня прощальный взгляд, вскочил на коня, как заправский наездник, и был таков.

Я знаю его всего три дня. Точнее сказать, видела несколько раз. Какие могут быть поцелуи? И целоваться я не умею. Ни разу не целовалась.

Когда после обеда появился Жорж, чтобы приступить к моему обучению — на этот раз мазурке, — я была, наверное, слишком рассеяна. Уходя, учитель вдруг всунул мне в руку бумажку.

— Вот, велено передать, — он ухмыльнулся.

Записка? Как это попадает в жанр!

Я сбежала в сад и развернула ее. Но любовного послания не было, только номер телефона и короткая фраза: «Напиши, как пойдешь завтра на пляж».

Куда же я ему напишу, если Георгий уже ушел... ох, вот же я тормоз! Совсем забыла про мобильную связь!

Я очень опасалась того, что могло присниться мне в эту ночь, но сон был вполне тривиальным. Мой привычный тревожный сон, словно у меня экзамен по алгебре, но я весь год почему-то не ходила на занятия, листаю учебник и ничего там не понимаю.

Записав сон, я отправила Михаэлю сообщение, что выхожу. Это было мое первое в жизни свидание, да не просто свидание — а встреча один на один на пляже. И при этом я не испытывала ни малейших сомнений или рефлексий. Мне

просто хотелось как можно быстрее увидеть обоих — море и Михаэля.

Я забежала на кухню, повариха Тереза всучила мне пакетик с пирожками и бутылку воды. Через полчаса я спускалась на пляж.

Сердце забилося быстрее — Михаэль уже пришел. Я увидела его еще сверху. Он был в брюках, но топлес и босиком. Словно почувствовав мой взгляд, он поднял голову и бросился навстречу вверх по камням, даже не обуваясь. Протянул руку, помогая спуститься.

В самом низу он, должно быть, наступил босой ногой на острый камень, потому что произнес что-то быстро-раздраженное на другом языке.

— Ругаешься по-калидорски? — усмехнулась я.

— Ага, извини.

— Да я же все равно не поняла. А на каком языке ты вообще думаешь?

— На русском, с рождения. Сейчас, бывает, и на калидорском, потому что экзамены сдавал, готовился к поступлению.

— Скажи еще что-нибудь по-калидорски.

Он странно посмотрел на меня и произнес несколько слов. Язык был похож на смесь греческого с испанским, но звучал очень мягко. А я опять побоялась задать вопрос, которого он ждал...

— А какие еще языки ты знаешь? — спросила вместо это-

го я.

Он выглядел очевидно расстроенным.

— Английский хорошо, испанский похуже, греческий немного.

— Ого! — восхитилась я.

Вместо того, чтобы раздеваться и идти в море, мы как-то оба смутились и сели в теник на расстеленную им рубашку.

— Ты так хорошо говоришь по-русски, хотя ни разу не был в России. Я имею в виду на современном русском, как все у нас. А что, ты и правда дворянин? Или тут у вас все роли назначены?

— И правда, — улыбнулся он. — Здесь таких много, увидишь на балу. В основном, потомки белоэмигрантов, как мой прапрадед. Нет, пра-пра-прадед... Короче, мой дед его внук. Ну и мы тоже... потомки. Белозерские мы. Хотя в крови у нас уже столько намешано... Мама моя — дочь гречанки, а бабушка — калидорка. Она из тех, что переехали в Слободу еще при отце ее сиятельства. Из любви к мужу, моему деду, поселилась тут, выучила русский язык. А я читаю русские книжки, смотрю много фильмов, музыку слушаю, чтобы язык был не допотопный. Ведь тут все говорят иначе, а уж те калидорцы, которых обучал его сиятельство... ты бы очень веселилась, если услышала.

— У нас есть такой фильм, если честно, довольно дурацкий. Там парня для перевоспитания забрасывают в такую же, как у вас тут, инсценировку, а он думает, что по-настоящему

попал в прошлое.

— У нас не инсценировка, — покачал головой он. — Мы так живем уже много лет. Это наша традиция, наш образ жизни. Дети привыкают с рождения. Знаешь, когда кто-то уезжает из своего села, он адаптируется в городе и живет по его правилам. Но, возвращаясь, все равно становится тем, кем он был.

— Но это же выдуманная реальность. Сейчас не девятнадцатый век!

— Нет, просто тут современность вот такая.

— Это даже не настоящая историческая обстановка. Здесь все перепутано!

— Ну и что, а людям так нравится! Ты же в своей квартире оформляешь все, как тебе хочется, ходишь в том, в чем тебе удобно, готовишь то, что любишь ты, а не соседи. И не думаешь, насколько это правильно или неправильно. Многие любят свои русские корни, для них это родное.

— А чем тут вообще живет слобода? — спросила я. — Зачем им кланяться тетушкиным каретам?

— Обычные рыночные отношения. Усадьба дает заказы, фермеры и мастерские получают работу, стабильный заработок. Продукты наши пользуются популярностью по всей Калидоре, считаются экологически чистыми... Экскурсии ездят, сувениры опять же, доходы отличные, чего им не кланяться-то, если твоей тетке приятно.

— А ты насовсем хочешь уехать?

— Ну... не знаю. Я давно собирался... Люблю путешествовать. Два года после школы отработал, помогал отцу, как обещал. Одновременно готовился к экзаменам. Думал, придется учиться платно. Но, к счастью, получил грант в Альмаранском универе.

— А на какую специальность?

— Инженерно-строительный факультет, — уклончиво ответил он. — Возможно, потом перееду в Испанию. Упросил родителей, чтобы отпустили уже сейчас, погулять, познакомиться с соседями по общежитию. Не мог дожждаться...

Михаэль слегка усмехнулся и снова бросил на меня испытующий взгляд. А я снова промолчала.

— Расскажи про себя, — произнес он. — Я ничего о тебе не знаю, кроме того, что ты приехала к тетушке.

Я рассказала ему о себе, где учусь, на кого, про родителей, как здесь оказалась. Он слушал так внимательно, что хотелось говорить еще и еще. Но мне-то было интересно о нем и его жизни здесь.

— А ты видел тетушкиного отца?

— Он рано умер, лет в шестьдесят с небольшим. Мне тогда было пять. Но я его помню, знаешь. Он со всеми общался, заходил к нам в дома, дарил детям подарки. Он был очень подвижный, активный, такой фанатик своего дела. Князь-то до него тут просто усадьбой владел да предприятия финансировал. А Сатекен обожал все русское: гжель, хохлома, русский быт, он это поселение поднял практически в одиноч-

ку. Русские вывески, наряды, русский язык повсюду. Когда усадьба принадлежала Сугорским, тут был просто богатый дом. Правда, они собирались открыть музей для туристов — фамилия-то у них древняя, здание историческое. Сгрузили в одно крыло весь антиквариат, но на том дело и кончилось.

— Отец ее светлости тоже сначала хотел устроить музей, — продолжил рассказ Михаэль, — в каждой комнате — зал определенной эпохи. Поскольку мебель была дореволюционная, начал с нее. А на остальное запала не хватило. Ну а в две тысячи втором, как он умер, приехала наследница, а она помешана сама знаешь на чем. И весь особняк под себя сделала, денег было завались. Платья, лакеи, кареты — это все уже от нее. Ну а народ в поселении как жил, так и живет, у них ничего не поменялось, все русское, в том представлении, как это было при Сатекене.

— Откуда ты все это знаешь так подробно?

— Отец ее сиятельства был дружен с моим дедом. Тот был мебельщиком, рисовал план по его заказу.

— Вы же дворяне.

— Ну и что. На хлеб титулами не заработаешь, все мои предки трудились.

— А тетушкин отец как разбогател, не знаешь?

— Кажется, тоже наследство. Дед говорил, биржевики там были.

— А сейчас вы держите слуг — Егор, например, ну, кучер ваш?

— Да нет, ну какое... Егор у нас просто работает.

— Твой отец занимается коннозаводством?

— Уже доложили? Ага. Раньше мечтал разводить элитных, только какое там. Кому в Калидоре нужны элитные, да и вообще лошади? Вот в слободе у нас — да. Тут и конюшню многие держат, плюс линейки же ходят.

— Ты классно едешь верхом. И плаваешь.

— Плаванием занимался профессионально, даже медали есть. А на лошадях же я с детства. Хочешь, научу.

— Я бы лучше плавать научилась.

Тут мы переглянулись и вспомнили, что пришли на море.

— Пошли купаться! — хором сказали мы и рассмеялись одновременно.

На этот раз стеснения не возникло. Я стащила через голову сарафан, а Михаэль стянул с себя брюки. Он протянул мне руку, и мы вошли в воду.

Море сегодня волновалось — не лучший момент учиться плавать. Михаэль не стал от меня уплывать, мы то заходили поглубже, то возвращались, держась за руки, подпрыгивали на волнах, сталкивались и соприкасались друг с другом. Один раз я чуть не упала, и Михаэль, подхватив меня, на мгновение притянул. Потом мы еще походили вдоль берега, по колено в воде, болтая о всякой ерунде. Сейчас у моего счастья не было никакого «почти» — я была полностью, безоговорочно счастлива.

Внезапно на нас полетела огромная волна, и мы с весе-

лыми воплями понеслись от нее к берегу, но она все равно окатила нас с головой. Мы выбежали, смеясь и пытаясь отдышаться, и тут Михаэль прижал меня к себе и поцеловал мокрыми солеными губами куда-то в глаз, потом в щеку. Не стовариваясь, мы побежали к скале, я покрылась мурашками от холода, достала свое полотенце и попыталась в него завернуться. Михаэль обхватил меня всю, согревая, и поцеловал уже по-настоящему.

Наши мокрые тела были прижаты друг к другу, его поцелуй был горячим и нежным одновременно, потом он стиснул меня еще крепче. А мне стало вдруг страшно — нет, я боялась не Михаэля, а того, насколько податливым стало в его руках мое тело; рассудок, который еще не полностью отключился, заставил меня слегка напрячься и попробовать отстраниться.

Михаэль тотчас это почувствовал, резко остановился и сделал шаг назад, тяжело дыша.

— Так, — сказал он. — Одеваемся.

Я очень согласно кивнула. Подхватила одежду и сбежала от него за скалу.

Потом он молча втянул меня в гору, но в сосновом пролеске мы снова остановились. Я немного испуганно смотрела на него. Мне хотелось немедленно снова оказаться в его объятьях. Я все еще ощущала на губах следы его поцелуев, а мой живот помнил прикосновение его мокрой прохладной кожи. Однако девушке из нужной эпохи, той самой, турге-

невской, каковой я до того момента была, следовало заявить что-нибудь вроде «как вы смеете!» или «сударь, вы забываетесь».

Ничего подобного я заявлять не стала, но и в объятья его падать тоже. Михаэль, очевидно, понял мое состояние.

— Ты ведь не была еще в Тарнелле? — спросил он.

— Это где горный монастырь и крепость? Нет, а когда? Я тут всего пятый день.

— Да уж... — выдохнул он. — Надо было начинать постепенно...

— С другого конца, — согласилась я.

— Ну мы это восполним.

— Давай. Но только меня вряд ли отпустят туда без конвоя. То есть, конечно, я могу встать и пойти, но не хочется лишний раз злить тетушку.

А может, рассказать Михаэлю о нашем с ней споре? Но я вовремя осеклась — не стоит говорить мужчине, с которым только что целовалась, о предмете этого спора.

— Что-нибудь придумаем, — сказал он.

Мы неспеша пошли по дороге.

— Вечером у меня репетиция с Жоржем. И еще игра на рояле, — вспомнила я.

— Как у него успехи? Я имею в виду твою сестру.

— Она мне не сестра. Успехов тоже нет. Она действительно использует его по назначению. Галя человек целеустремленный.

— Вот и пусть добивается своей цели, — жестко сказал он.

— Вы с ней знакомы?

— Да, виделись, — кивнул он.

— И что ты о ней думаешь?

— Думаю, ей не мешало бы проверить ларец святой Софии.

— Пожалуй. Но для Жоржа это не аргумент. Кстати, он классный учитель.

— Да. Он окончил музыкальную и балетную школу.

— А ты умеешь танцевать?

— Как все, — пожал плечами Михаэль. — Я имею в виду в этом окружении. Егор, к примеру, не танцует.

— Так и скажи — как все дворяне, — засмеялась я.

— Кстати, по-калидорски звучит очень странно — «девеороян», дворяне.

— Михаэль... — мой голос стал неожиданно низким. — Повтори мне, пожалуйста, что ты сказал мне... сегодня, помнишь?

— Ругательство? — улыбнулся он.

— Нет...

Лицо у него стало серьезным.

— Конечно, — он приостановился и повернулся ко мне:

— Та велеу авеаснам. Перевести?

— Нет, — тихо сказала я. — Та велеу авеаснам, правильно?

— Да, — сказал он. — И это правда.

Мы стояли на пыльной дороге и смотрели друг на друга.

— Как это возможно? — прошептала я. — Так не бывает.

Так вот сразу.

— И я так думал.

Тут позади послышался топот, и подъехала линейка, везущая пару старушек с Вилларского утреннего базара. Мы «поймали» ее, как такси, и доехали прямо до поворота на усадьбу.

— Я выйду одна, — шепнула я Михаэлю.

Он только досадливо кивнул.

Я знала, когда шла к воротам, что он проводил меня взглядом.

Я испытывала непередаваемую гамму чувств — потрясение, ликование, радость, тревогу. Во мне разливалось неведомое раньше тепло — и душевное, и физическое одновременно. Как только мы рассталась, мне немедленно захотелось бежать к нему обратно... тянуло к нему так, что я места себе не находила.

Все отметили, что я несколько не в себе. На меня примеряли платье — я с трудом могла вспомнить, как оно выглядит, снимали мерки для обуви, подбирали украшения. Потом пришел Жорж и мы учились танцевать, но я двигалась

как сомнамбула, не понимая, что я делаю и зачем.

И только когда меня усадили за рояль, я выдала такую гамму чувств, нежности и гармонии, играя подряд все самое любимое и красивое, не задумываясь, что я играю и где, что слушать меня сбегались даже слуги и повара.

Потом я бродила — или носилась — одна по саду, получив возможность достать мобильник. Там обнаружилось уже с десятков сообщений от Михаэля, который писал, как он ужасно скучает, спрашивал, что я делаю, снова писал, что скучает и не может дождаться, когда мы снова увидимся. Когда я, наконец, смогла ответить, он предложил встретиться у нас в саду, и я сперва загорелась, но потом, включив рассудок, решила, что тогда мы рискуем завтрашней поездкой.

«Почему мы должны прятаться, мы ничего плохого не делаем», — написал Михаэль.

Но не могла же я ему объяснить, что по условиям спора с тетуской я должна сперва познакомиться с князем. Объявить сейчас, что я встречаюсь с другим — это нарушить договоренность. Можно было, конечно, расторгнуть сделку, но меня держали слова тетуски о моей честности... А еще, стоило признаться, я оказалась довольно азартным спорщиком. Было бы круто сообщить бабуле о выигрыше.

«Я потом тебе объясню», — написала я Михаэлю.

Утренний дневник сновидений оказался труден для заполнения — но не потому, что мне снился Михаэль и его объятья, хотя как раз этого я и ожидала. Полночи я попросту

не спала, потом мне снилось что-то, что я не могла вспомнить при всех усилиях, а перед самым пробуждением приснился еще один мой «любимый» муторный сон: через час у меня самолет, а вещи не собраны. Я должна лететь в отпуск в Калидору, но мне все время что-то мешало: чемодан наполовину пустой, я ищу какую-то ерунду, а до вылета уже десять минут, и все это тревожно и долго.

Тут я и проснулась.

Михаэль, оказывается, уже написал, спрашивая, какой у нас план. Я понятия не имела, как лучше преподнести нашу поездку тетушке. Но когда я спустилась, к моему удивлению выяснилось, что сегодня все складывается мне на пользу.

Оказалось, вечером тетушке позвонила моя бабуля.

У Нелли отсутствовал мобильник, но в усадьбе имелся стационарный аппарат, проведенный еще при прежних владельцах — по этому телефону и велись переговоры о моем приезде. Он был стилизован под старину, но, разумеется, в девятнадцатом веке никаких телефонов еще не было. Поскольку я отвечала на сообщения довольно сумбурно, бабуля, видать, решила узнать все из первых уст, а заодно проверить, не обижают ли меня там. Хотя это и противоречило ее присказке по моему поводу: «Кто тебя обидит...», ну и так далее.

Нет, я не скандалила и почти не ругалась с предками, а если иногда приходилось настоять на своем (ну не надевать же мне, правда, шерстяные рейтузы на школьный вечер!), то

это уж извините... Но бабуле нравилось считать меня «самозащитной», она этим даже гордилась.

В общем, бабуля поинтересовалась, как я провожу время и что успела увидеть интересного, и тетушка напела ей, что я купаюсь сколько влезет и езжу по экскурсиям.

— В Тарнелле начался праздник Цветения калидоры, — заявила Нелли во время завтрака. — Возьми Ольгу и съездите посмотреть. Потом напишешь своей бабушке, что там видела. На башню еще подымитесь.

Это было потрясающим совпадением, настолько, что я даже не сразу нашлась.

— А я? — неожиданно подала голос Галя.

— Ты тоже хочешь? — удивилась тетушка.

— Да.

— Она хочет загадать желание, — едко припечатала статс-дама.

— Если и так, то что? — разозлилась девушка.

Галя в мой план совершенно не входила. Понятно, что мои отношения с Михаэлем были ей только выгодны, но мне не нужны ее глаза и уши. Я уже начала сомневаться в своем везении, когда появилась горничная:

— Барышня, — она обратилась к Гале, — там от модистки прислали, говорят, у вас последняя примерка.

Примеркой Галя пожертвовать не могла.

— Праздник будет еще три дня, съездишь завтра... э-ээ... Попроси Анну Вениаминовну взять тебя, она всегда ездит

на праздник по много раз.

При первой же возможности я спряталась в туалете, чтобы написать сообщение Михаэлю.

— Барышня, — шепнула Ольга, встретив меня в коридоре. — Возьмите с собой московскую одежду, если не хотите, чтобы в Тарнелле знали, что вы из Слободы.

— А почему им лучше не знать?

— Потому что туристы начнут с вами фотографироваться, прохода не будет.

Нас с Ольгой довезли на хозяйской бричке до границы Слободы и высадили на автобусной станции в Вилларе. По дороге я предупредила горничную, что меня будет ждать Михаэль, и Ольга, чья неприязнь к князю была очевидной, меня горячо одобрила.

— Не волнуйтесь, барышня, я вам мешать не буду. У меня в Тарнелле живет сестра, мы с ней встретимся, а вы гуляйте.

На станции она первым делом завела меня в туалет, где имелась комната для переодевания, специально оборудованная для выезжающих слободских. Мы облачились в современную одежду: я в короткий коралловый сарафан, а Ольга — в летние шортики и топик, не хуже моих собственных. В этом виде она казалась совсем девчонкой. Вот только речь у нее не изменилась.

— Где же ваш кавалер, барышня? Ах, вот вы где, сударь, не узнала вас в этом наряде.

На Михаэле были кремовая футболка, эффектно подчеркивающая его спортивную шею и плечи, легкие льняные брюки цвета хаки и светлые кроссовки. Он уже стоял возле нужного туристического автобуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.